

A romantic close-up of a young man and woman. The man, on the left, has a short haircut, a lip ring, and extensive black and grey tattoos on his neck and arm. He is wearing a black t-shirt. The woman, on the right, has long, wavy blonde hair and is looking up at him. She is wearing a thin necklace with a small pendant. They are positioned very close, with the man's hand near the woman's face. The background is dark with out-of-focus warm lights, suggesting a night setting.

ПИСА
ДНУНС

ЗАПРЕТНАЯ

Не забуду тебя

Лисса Джонс

Запретная. Не забуду тебя

<https://litres.ru/74267857>

Аннотация

Мне велели забыть его — сумасшедшего парня, спасшего меня в День рождения и исчезнувшего после на долгих два года.

Но судьба распорядилась иначе. Мы встретились снова.

Теперь у него невеста и бизнес, а на меня он смотрит как на незнакомку. А я... Я все еще от него без ума.

♥#Между ними та самая химия! ♥#Им нельзя, ее отец против! ♥# Девочка из богатой семьи и парень-сирота

От автора: ХЭ гарантирован!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5	38
Глава 6	43
Глава 7	51
Глава 8	58
Глава 9	67
Глава 10	74
Глава 11	81
Глава 12	87
Глава 13	94
Глава 14	101
Глава 15	109
Глава 16	117
Глава 17	125
Глава 18	133
Глава 19	140
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Пролог

— *Натанцевалась?*

Глаза в глаза.

Тысяча тонн ядерной неразбавленной похоти...

Чистая одержимость.

А в следующий миг мир перевернулся. Воздух вылетел из лёгких, и я оказалась на мужском на плече, не успев даже пискнуть.

Толпа взорвалась улюлюканьем, свистом и смешками — Ярослав широкими шагами двинул к выходу. А меня от его глаз до сих пор трясло, пробирало... И чувствовала только его, везде он-он-он. Запах кожи и жар тела. И то, как сходит с ума мое сердце, прижатое к широкой спине.

— Ярослав?..

Покрытое испариной тело заколотило на ночном воздухе. Безумец быстро шагал, забыв про верхнюю одежду, забыв про всё на свете.

— Поставь меня! — волосы застилали обзор, но волны термоядерной ярости, помноженные на жуткую похоть, и видеть не надо было. — Ярослав!

— Рот закрой, — осипшие-прокуренным голосом.

Мы летели куда-то среди ночи, всё дальше от клуба, от домиков, и нет. Я не боялась его.

Да, каждой клеткой хотела, чтобы он нёс меня, чтобы ни-

когда не отпускал. Хотела, чтобы ночь длилась вечность... Признавалась себе и себя же боялась!

— Громов! — в отчаянии заколотила кулачками по спине.
— Ты просто динозавр! Архаичный, вымирающий сексист с замашками пещерного... *Аай!*

На мою задницу с размаху опустилась его ладонь.

Он меня шлепнул.

Он. МЕНЯ!

Меня в жизни никто... и никогда...

Почему, ну почему тогда живот затопило свинцово-раскалённой тяжестью? Почему позорное возбуждение пропитало бельё?! Прямо перед его носом, и я не была уверена, что обтягивающие джинсы спасали...

— Не прекратишь, — голос замороженный, спокойный, смертельно опасный, — я трахну тебя прямо здесь.

Господи, дай мне сил.

Все внутри полетело в горячую, пульсирующую бездну адского жжения *такой* потребности...

Больная.

— *Адель.* Поставлю к дереву и вы*бу всю дурь.

Я не моргала, не дышала, не двигалась. Он легко подбросил меня и тут же снова прижал к себе.

— Мы же не хотим так, правда?

Правда?

— Н-ну... да-а... *наверное,* — тоненько пропищала, вызвав волну грязного мата.

И он пулей долетел до каких-то еще домиков.

Говокружение ловила, сердце разрывалось, горела. То ли от всякого положения, то ли от его близости, то ли от осознания, что обратной дороги нет.

Это случится.

Это правда случится.

Мы правда переспим. Не в фантазиях, не во снах, а здесь и сейчас. Последней ночью уходящего года. И даже без признаний в любви я точно знала: с Ярославом это будет незабываемо. И, скорее всего, неповторимо.

Запищал замок, распахнулась дверь, темнота укрыла нас с головой. Ноги коснулись пола и подогнулись от столкновения с жаждущим взглядом.

— Ярослав... — врезались в угол.

Он нашёл мои губы в темноте.

Целовал так, будто два года дышал через раз. Будто всё это время ждал разрешения вдохнуть полной грудью. Будто я — его кислород и последняя смертельная сигарета, которую принимает добровольно.

Отчаянно. Жёстко и требовательно.

— Затрахаю... бл, залюблю, солнце... — пальцы впились в мои волосы, запрокидывая голову, открывая шею жадным губам.

Властно и собственническим, как и мечтала.

Отдавала всю себя.

Потому что тоже задыхалась два года. Потому что тоже

ждала. Потому что ночами представляла творившееся между нами безумие.

— Че ты со мной... сделала...

С утробным стоном вжирался в мой рот, переплетая языки в голодном танце. Толкался, давая почувствовать украшение в языке... Будто мы уже...

Как обезумевший шарил руками по телу сминая и клеймя.

Я обнимала за крепкую шею. Притягивала ближе и ближе. Позволяла всё. Тёрлась грудью, как кошка.

Все еще в венах кипела моя любовь. Жила во мне.

Как не пытался ее убить, она оказалась живучее, чем сам Громов.

Так мокро там... И везде. Болезненно от пульсирующего, распирающего изнутри желания.

— Яросла-а-а-в... — жалобно, надеясь, что поймет с полуслова.

— Тшш. Я... здесь, — задыхался, влажно разрывая поцелуй. — Ща будет легче...

Властно притянул к себе за попу. С оттяжкой толкнулся в ноющий живот вздыбленным членом, обтянутым плотной джинсой.

Добро пожаловать в горячую новинку! ##

Пожалуйста, не жалеите "звездочки" и добавляйте книгу в библиотеку, чтобы не потерять.

И вот они, наши Ярик и Адель

Для тех, кто хочет узнавать новости раньше, наслаждаться артами, видео и закулисными диалогами, мой ТГ "твой автор, Лисса Джонс"

Глава 1

Адель

За окном мелькал заснеженный город, затянутый проводами гирлянд, в такси пахло мандаринами и хвоей, а я тонula в фантазиях о новогоднем чуде.

Мы не виделись больше года, но я знала, что сегодня он будет там.

От одной мысли о татуированном хулигане с проколотой губой сердце выдавало синусоидный ритм.

Впервые я увидела Ярослава Громова, будучи ученицей 10 «Б».

Он приехал к воротам нашей чопорной гимназии на спортивном мотоцикле, весь такой широкоплечий и высокий, в рваных джинсах и тяжелых ботинках, а у меня перехватило дыхание от парня, разительно выбивающегося из моего «правильного» мира.

Он привез в школу Сашу Абрамову, донес до входа на руках.

С какой же завистью девчонки наблюдали за ними из окон гимназии, мечтая оказаться на её месте! Мечтали поймать уверенный насмешливый взгляд, получить предложение покататься...

А его серебряный пирсинг в нижней губе! О нём неделю шептались все гимназистки, загадывая, каково это — поце-

ловать парня с металлом в губе.

Тогда я только слушала их, не разделяя восторгов. Ну, какой-то оборванец, а столько обсуждений! Да, яркий, да эффектный. Умопомрачительно красивый, но слишком... Слишком грубый. Невоспитанный, неотесанный маргинал.

А потом этот маргинал меня поцеловал.

Это вышло... по моей вине, но... Абсурдная, сумасшедшая история!

Я видела его второй раз в жизни, и все никак не могла понять, что в нем находят девчонки.

Ярослав ждал Сашу — свою подругу детства, будущую невесту моего друга Димы. У них тогда всё было сложно, драматично, по-взрослому. А я... я была по-детски влюблена в своего одноклассника Пашу, который видел во мне сборник готовых домашних заданий.

Поддавшись порыву глупости, подошла к Ярославу. Ведь Пашка как-то обмолвился, что не прочь закрутить с Абрамовой «из спортивного интереса». Может, он бы и со мной закрутил, если бы?..

Да, дурочка шестнадцатилетняя.

Но тогда идея казалось гениальной.

Сердце колотилось, будто собиралось выпрыгнуть из груди и убежать от глупой хозяйки. Внутри дрожало и сжималось от страха...

И, боже, я попросила его притвориться моим парнем, чтобы Паша обратил наконец-то на меня внимание!

Жалкая.

«Тупая идея, но на таком, как он, сработает» — в низком голосе играла грубоватая насмешка, от которой в животе разливалось непонятное тепло.

В один шаг оказался так близко, что я успела только заметить глаза цвета темного шоколада с крапинками золота, а потом...

Губы на моих.

Твёрдые, обжигающие, пахнущие ментолом и чем-то безумно мужским. Холод металла и жар кожи.

Короткий, легкий поцелуй.

Для него — игра. Для меня — смертельное землетрясение в десять баллов.

Он отстранился и, улыбнувшись, назвал меня принцессой.

Интимно. Тихо и так по-взрослому...

Принцесса.

После его «помощи» Паша перестал для меня существовать.

Ярослав Громов стал самой постыдной, безумной моей фантазией. Первой настоящей любовью.

Я выдумывала самые глупые причины для встреч, и порой у меня получалось.

В один из зимних дней, заикаясь и краснея, попросила его стать моей моделью. Якобы для проекта по искусству. Сказала, что мне нужен кто-то нестандартный.

Ждала отказа, а он взял и согласился.

Мы приехали не в студию, а в дореволюционный особняк. Заброшенный, с выбитыми кое-где стёклами, но с целым стеклянным куполом на крыше.

В чёрной футболке, обтягивающей мощное тело, в потертых джинсах, Ярослав казался нереальным — воплощение неконтролируемой силы, свободы и бунтарства в центре изысканной красоты.

Сидел на покрытых инеем досках. Курил. Дым струйкой тянулся вверх, к стеклянному небу.

Я снимала.

Ловила мужественный профиль на фоне ажурных металлических переплетений лестниц, его руки с тонкими цепочками на запястьях.

Он был ослепительно красивым. С выдающимися скулами, пухлыми губами, почти черными глазами... С выбритыми висками и копной темно-русых волос... Неприлично, опасно красивым.

Вдруг посмотрел в объектив.

Пулевое. Глаза в глаза через камеру.

Все в нем кричало об угрозе, когда поднялся. Неторопливо подошел. От него пахло холодом, табаком и дикой свободой.

«Закончила?» — так близко, что я видела каждую ресницу, каждую золотую крапинку в глазах. Не помню, что ответила, оглушенная такой мощной мужской энергетикой, ка-

кую не встречала никогда.

Фотографии получились потрясающими. А потом он разбил мне сердце.

На следующую съёмку — я придумала предлог с «проектом про уличную культуру» — Ярослав пришёл с девушкой.

С розовыми волосами и татуировкой на ключице.

«Подумал, что тебе нужно разнообразить портфолио».

Мой объектив ловил, как их губы встречались в открытых поцелуях, как жарко он прижимал ее к стене гаража, пошло держал за бедро, обтянутое черной сеткой... Это было на грани эротики, пошлости и какой-то первобытной красоты. А после снимала как бережно он выводил иглой тату-машинки символ бесконечности у неё на ребрах.

Щёлкала затвором, выстраивая кадр, подбирая ракурс, пока душа и сердце крошились от боли.

Он всё так же называл меня принцессой.

Присылал мемы про сессию, когда ночами я жаловалась на домашку в школе.

Говорил обязательно сообщать, если в школе кто-то тронет.

Делился, как выиграл конкурс на роспись стены в новом баре.

Я видела, как он общался с Сашей. Видела, как целовал других девушек — Катю, Лену, потом ещё кого-то и еще.

И сожалением констатировала неоспоримый факт: Ярослав не замечал во мне девушку. Он все еще «играл роль

парня для моей школьной любви».

Увы, в шестнадцать я была угловатым подростком на фоне его подружек.

В мае, к концу десятого класса, консультант впервые принесла мне лифчик не «нулевку»: грудь выросла, и я с восторгом крутилась в примерочной, воображая, как теперь будут сидеть любые вещи!

В этом же мае, в день моего семнадцатилетия, все и изменилось.

Ярослав спас меня от того самого Паши и его компании, но то, что он сделал с моими одноклассниками, привело к ужасающим последствиям.

В тот вечер была организована вечеринка. Мои одноклассники — детки таких же состоятельных родителей — конечно, были приглашены в шикарный ресторан.

Правильные тосты и правильные планы на лето... Я улыбалась, кивала, а внутри тихо сходила с ума от ощущения фальши.

Вышла на территорию ресторана, за задние. Мы с Ярославом безостановочно переписывались, я сидела на скамейке, улыбалась телефону.

«О, смотрите, кто у нас тут! Волконская наградила себя свиданием с айфоном!»

На улицу вышел Пашка с придурком-другом. От них несло алкоголем и бравадой, которая появляется у мальчиков, впервые почувствовавших власть папиных денег и собствен-

ной безнаказанности.

Я попыталась встать, но Артем быстро присел рядом, прижав меня к спинке скамьи.

«Куда спешишь, Аделька?»

Паша сел, с другой стороны, его рука легла на спинку скамейки за моей головой.

«Слушай, Ади, а че за приколы? Ты же по мне сохла, так вот он я! С компанией!»

Его пальцы схватили меня за подбородок, я рванулась, но Артём крепко держал за плечо – парни к концу десятого класса стали в разы сильнее.

... губы, липкие и влажные, впились в мое горло, в щеку, пока он пытался поймать мои губы... Руки повсюду... попытки залезть под подол платья...

Я задышалась, пыталась вырваться, но они только смеялись, держали крепче...

Не знаю, что случилось бы дальше, вышел ли бы кто-то из взрослых. Моим ангелом-хранителем стал Ярослав.

Пашу сорвало с меня и отшвырнуло в сторону, как тряпку. Следом Артема.

Расфокусированный, отлетевший взгляд почерневших глаз разобрал меня на части. Вена на его виске пульсировала, кулаки были сжаты так сильно, что на натренированных предплечьях под черными тату проступили нити вен.

«Они?..»— тихо, так тихо, что слова едва разобрала.

Я смогла только отрицательно качнуть головой, обхватив

себя руками.

То, что произошло дальше, не было дракой. Это было самым настоящим переходящим все грани избиением.

После того, как он превратил моих пьяных одноклассников в кровавое месиво, подошёл к Паше, который лежал, свернувшись калачом. Присел на корточки, что-то сказал. И увел меня с дня рождения.

Родители моих одноклассников устроили Ярославу ад. Мой отец вытащил его, мудаков исключили из гимназии. Папа и сам готов был их убить, но в моем мире им не грозило ничего. Их отмазали.

А Ярослав исчез из моей жизни.

Не забывайте про библиотеки и "звездочки", поддержите, пожалуйста, историю)

Глава 2

Адель

Папа отказывался говорить о моем спасителе.

Саша рассказывала, что Ярику пришлось на время уехать из Питера. Но «время» затянулось. Весь одиннадцатый класс я ничего о нем не слышала, а он перестал отвечать на мои сообщения.

Последнее, что написал перед тем, как исчезнуть: *«Не гуляй по темным улицам, принцесса. Вдруг меня не будет рядом. И вообще. Че по урокам самозащиты у Юсупова?»*.

Выглядело как прощание, над которым я редела в подушку несколько ночей.

Да что там, не было и дня, чтобы я не тосковала по нему! Я скучала, как же я скучала! Потом пришло лето, суета с выпускным, поступление в московский вуз — с каким же трудом «бежала» из Петербурга, убеждая папу в своем решении, надеясь, что расстояние поможет. Не помогло.

Первый семестр, вечные звонки папы, приглашение от Димы и Саши провести новогодние каникулы на загородной базе отдыха в компании друзей.

Я, как настоящий шпион, вынюхала у Саши детали. И уловила главное: в компании будут все друзья. Все.

Он вернулся в Питер? Давно? И ни разу не написал... Ни словечка.

Обида выжигала едкой горечью, но желание увидеть его снова — живым, реальным, не призраком из подростковой памяти — оказалось сильнее гордости. Я мечтала узнать, что же произошло после моего Дня рождения.

— Приехали! — голос таксиста вырвал из лихорадочных раздумий, когда машина остановилась у высоких ворот Диминого загородного коттеджа.

Сердце в волнении колотилось за пределами грудной клетки, давно улетев в космос.

Чемодан. Ещё один чемодан с подарками.

Пальцы, не слушаясь, набрали на домофоне код. Хруст снега под ногами. Дорожка ...

Я вот-вот его увижу.

И за этой мыслью другая: я больше не шестнадцатилетний ребенок.

Вошла в дом, рисуя в голове столкновение с темными глазами из прошлого, которым отвечаю дерзким взглядом.

— Ади! — Теплые объятия, вихрь каштановых кудрей, черный топик и шортики, макушка, едва достающая до моего подбородка. — Как ты? Как дорога? Брось, ребята занесут!

Господи, идиотка, я правда думала, что он будет меня встречать в чужом доме?!

Прежде чем успела что-то сказать, Саша схватила меня за руку и потащила в гостиную.

На огромном диване валялись гирлянды, в которых запу-

тались две толстые кошки. На полу стояла коробка с ёлочными игрушками, а из стереосистемы лилась бодрая инди-музыка.

Балансируя со стопкой тарелок в руках, по комнате шла милая блондинка в очках в тонкой золотистой оправе. В красном свободном худи-платье и длинных белых гетрах выглядела она как кукла Барби.

— Ади, это Аврора. Ава, это Адель, — Саша подмигнула Авроре. — Аврора — девушка Воронова, если помнишь такого рыжего засранца в баскетбольной форме...

Аврора подарила Саше добродушно-строгий взгляд, но улыбнулась мне. Увы, я в ответ едва выдавала подобие улыбки, пребывая в коматозном состоянии ожидания.

Вот-вот...

Сейчас.

— Если я засранец, то ты — заноза в заднице, Абрамова!

Из-за угла появился тот самый «рыжий засранец» — Филипп Воронов, высокий, с медно-рыжими волосами и киношной ухмылкой истинного засранца. Забрал у Авы посуду, обменялся с Сашей неприличными жестами средними пальцами, и утянул свою девушку на кухню.

— Привет, студентка! – Кто-то со спины закружил в объятиях и на долю секунды я...

Дурочка.

Дима поставил на пол почти сразу же, и в какой-то момент я не узнала мальчишку, с которым росла. Тот был веч-

но недовольным, молчаливым дедом в теле подростка, а этот Дима улыбался!

— Привет! — я искренне была рада его видеть.

— Так, твоя комната будет без душевой, ладно? Дом огромный, но тут всего две спальни с ваннами, и они уже заняты, прости.

Мозг с трудом переваривал информацию.

Комната... ванна... Это не имело значения.

— А... — глубокий вдох, пытаюсь выровнять дыхание. — Мы... то есть... есть кто-то ещё?

Дима кивнул, подходя к Саше.

— Да, ещё Макс, тоже наш одноклассник, но он прилетит завтра. И Ярослав. Помнишь его? Ну, который тебя тогда спас...

Сердце сорвалось в бешеный галоп, ударившись о рёбра с такой силой, что, казалось, все услышат.

— Да. Да, конечно, помню, — закивала слишком быстро, и слова прозвучали неестественно.

— Так, давайте не будем о прошлом, — Саша кашлянула и легко толкнула Диму в бок, а потом улыбнулась кому-то за моей спиной. — И кстати...

О мой бог. Я обернулась с колотящимся в предсмертном ритме сердцем и...

— Это Дана. Девушка Ярослава.

... и умерла.

Аккуратные легкие волны осветленных волос до груди.

Кошачьи глаза с длинными ресницами... Нежно-розовый свитер и светлые лосины...

Увы, эта милая девушка не выглядела как одноразовая подружка. Скорее, как обретенное «и в радости, и в горе» после нескольких лет скитаний...

— Я слышала про тебя от Славы! — Дана спорхнула со ступенек, обняла, окутав ароматом цветочного сада. А я даже пошевелиться не могла.

— Адель, да? Он рассказывал о девочке, это же тебя он спас? Ну правда, такая милашка!

Пожар в груди. Легкие в пепел. Полыхала в адском огне.

— Ой, какая ты скромная! — Дана захлопала ресницами и повернулась к Саше. — Саааш, она просто прелесть! Ярик правду говорил!

Ярик... говорил...

Дана болтала что-то ещё про одежду, ЧП на кухне...

А я правда умирала. Как в тот раз, когда он впервые пришел на съемку с девушкой. Прятала куда подальше дурацкие надежды. Захлопывала крышку над Пандемониумом мира чувств к Ярославу Громову.

Потому что Дана выглядела как проигрыш при не начавшейся игре.

— Ади, ты мой руки и к столу, поужинаем все вместе, — голос Саши прозвучал сквозь нарастающий гул в ушах.

— Д-да, конечно, — выдавила, чувствуя, как язык заплетается. Ноги по старой памяти понесли в глубь коридора.

А чего я ждала? Что взрослый парень будет... что?! Куковать в одиночестве? «У нас» и не было ничего! «Было» только у меня!

В бреду дошла до нужной двери, рука потянулась к ручке, но дверь открылась раньше.

Одномоментно.

Безвозвратно.

В темном коридоре оказались я и *он*.

Сердце отчаянно трепыхнулось — и безнадёжно потонуло на дне чёрных глаз Ярослава Громова.

Все та же стрижка, но волосы стали короче. Все те же скулы, но теперь покрытые лёгкой щетиной. И только от пирсинга не осталось следа. Лишь едва заметный шрам...

Передо мной стоял чужой мужчина. Чужой, обмотанный полотенцем вокруг бёдер, от которого веяло теплом и абсолютным, непреодолимым запретом. А я в своём глупом, детском потрясении, чувствовала себя раздетой догола.

Уязвимой.

Потерянной.

Щеки зарделись, под кожей запекло, а кислорода становилось все меньше и меньше.

А Ярослав застыл с таким выражением лица, будто увидел привидение.

Широкие плечи, усыпанные узорами черных татуировок, переплетения которых были и на груди, и на отчетливых ку-

биках пресса... Капли воды, бегущие по тёмной стрелке волос, что уходила под край полотенца, намекая на то, о чём думать было уже не просто нельзя — *преступно*.

Резко подняла глаза к его лицу, в лобовой аварии столкнувшись с оценивающим взглядом.

— *Ну, привет, солнце,* — чувственные губы украсила ухмылка мальчишки-хулигана из прошлого.

ЧИТАТЬ БЕСПЛАТНО РОМАН ДИМЫ+САШИ "НОВЕНЬКАЯ" (ТАМ ЗНАКОМСТВО ЯРИКА С АДИ) <https://litnet.com/shrt/-wOg>

А НАЧАТЬ ЦИКЛ РЕКОМЕНДУЮ С АВЫ И ФИЛА "ЛЮБОВЬ-НЕНАВИСТЬ КОРОЛЯ" <https://litnet.com/shrt/0vAE>

Глава 3

Адель
Солнце.

Вот так и добивают одним словом. Грубо-мягким голо-сом. Бархатным, грудным тоном, скользящим по коже и тут же прожигающим её кислотой. Когда все это больше ничего не значит.

— П... п-привет.

Контакт глаз.

Душа нараспашку, я как открытая книга. Как же невыно-симо глупо.

Обжигающий взгляд неторопливо опустилсЯ от лица к груди, будто и правда чувствовал как под тонкой тканью во-долазки в агонии колотится разбитое сердце. Прошелся по всему телу до напряженных бёдер, обтянутых джинсами.

До боли сжала руки в кулаки, не выдерживая изощренной пытки переглядками.

Растерянная, с лицом, пылающим огнём, со спиной, по-крытой холодной испариной. Полуобморочная — перед по-взрослевшим парнем своей несбыточной мечты.

— Слав, я нашла чистые вещи в чемоданах! — высокий голос отрезвил лучше ледяной воды.

А Ярослав, словно ничего не замечая, спокойно повернул-ся к ней и по-настоящему улыбнулся.

— Спасибо, — взял протянутые вещи, быстро провел языком по нижней губе. В полутьме узкого коридора блеснула капля влаги. Или металл.

Металл.

Я чуть не подавилась собственным дыханием. У него был проколот язык.

— Ади, это моя девушка, Дана, — смотрел на меня, и в чёрных глазах плескалась какая-то тёмная, горькая ирония. — Дана, это Адель. Моя... — сделал крошечную, едва заметную паузу. И мрачно, с незнакомой странной усмешкой, закончил: — ...Адель.

Просто Адель.

— Да-да, Саша нас представила, — она повисла на его руке, заглядывая в глаза с таким обожанием, от которого у меня свело желудок. — Мы, кстати, все убрали, и готовы к ужину. Есть хочешь?

Я неловко отвела взгляд, не в силах смириться.

— Простите, но не думаю, что Юсупов оставит приглашение в силе, если узнает, в каком виде я разгуливаю по его дому, — краем глаз заметила, как он мягко отстранился, и, не дав ответить, скрылся в ванной, щёлкнув замком.

А Дана вдруг повернулась с такой светящейся улыбкой, словно собиралась поделиться великим секретом с лучшей подружкой.

— Мы со Славой немного увлеклись готовкой, точнее прожаркой, — сделала паузу, бросила на меня лукавый

взгляд, — Если тебе уже можно говорить про такое. А потом вошёл этот рыженький! Ну и случилось маленькое ЧП с целым контейнером шашлыка! В общем, полный джингл белс!

Она рассмеялась. Звонко. Счастливо. А меня затошнило.

Эта девушка разительно отличалась от тех, с которыми я видела его раньше. Неужели он настолько изменился? Когда? Что, черт возьми, произошло?!

— Вы давно вместе?

Кажется, это первая моя фраза в этом доме без заиканий и смущений.

— Почти три месяца! Знакомы полгода, но накинуть поводья на Ярослава оказалось той ещё задачкой.

Полгода...

Пока я в Москве трепетно хранила в сердце первую любовь, с ума сходила от переживаний за него, он позволял этой... кукле, вешать на себя «поводья»!

Дурадурадура! Набитая дура!

Дверь ванной снова открылась, и теперь перед нами стоял босой, переодетый в спортивные брюки и футболку Ярослав. Такой одомашненный!

— Всё хорошо? Ади?

Ади!

Собрала всё, что осталось от гордости, и заставила губы сложиться в подобие улыбки.

— Да, — даже голос не дрогнул. — Просто поняла, что не хочу есть после дороги. Я пойду в свою комнату, отдохну.

Передадите ребятам, пожалуйста?

— Хотя бы чай... — но его перебила она. Быстро, легко, как будто так и надо.

— Конечно! Отдыхай, милая!

Даже не кивнула в ответ. Просто развернулась и пошла прочь, чувствуя, как взгляды жгут спину.

Кто-то робко постучал в дверь.

С трудом проснувшись, наспех растерла щеки и укуталась в плед перед тем, как впустить полуночного гостя.

В проёме показался поднос, а за ним — улыбающаяся Саша. В комнату ворвался божественный аромат барбекю, и поднос приземлился прямо на одеяло: хрустящие крылышки, запечённые овощи, тёплый лаваш.

— Я догадываюсь, почему ты сбежала, — Димина девушка плюхнулась на кровать. — Прости! Я правда не знала, что он приведёт кого-то! — похлопала с местом рядом с собой, приглашая.

— У тебя, наверное, миллион вопросов? Ты не стесняйся, спрашивай! И ешь!

Она говорила так уверенно, будто не просто догадывалась, а точно знала.

— Ярослав тебе что-то рассказывал? — осторожно поинтересовалась, присаживаясь на край и собирая овощи в лаваш.

— Ну, скажем так... — Абрамова хитро улыбнулась и

подняла руку, начиная загибать пальцы. — Я знаю, что в десятом классе он подыграл тебе у школы. Еще попросил меня присмотреть, чтобы в школе тебя никто не трогал. Знаю, что Дима считал его начинающим уголовником и, скорее всего, прочитал тебе лекцию в стиле «держись от Громова подальше», и, уверена, это возымело прямо противоположный эффект.

Я аж жевать перестала.

— Знаю, что тебя контролировал папа. И знаю, — голос стал тише, Саша заговорищецки наклонилась вперед, — что в день твоего семнадцатилетия Ярослав Громов оказался на территории одного из самых охраняемых и дорогих ресторанов города. И едва не убил там двоих парней. Какое совпадение, правда?

Саша так легко разобрала всю мою тайную историю по полочкам, как будто пересказывала сюжет сериала.

— И нет, он у нас не болтливый, но и я не слепая, - весело закончила девушка. И ее лицо резко изменилось.

Мы подошли к той части истории, где все и сломалось.

— Знаю, что его самого избили. Чуть голову не пробили. И все! — Зеленые глаза блеснули в темноте. — Пропал на год, вернулся с новой стрижкой, без пирсинга, и весь такой респектабельный! Владелец автомастерской для премиальных тачек!

Мозг отказывался воспринимать: *Яр и... «премиальные тачки»?*

— У него теперь не гараж, а дворец для любителей дорогих машин! Знаю только, что это не мы с Димой. Дима пытался ему втолкнуть деньги пару раз, но Яр вечно заводил любимую шарманку: «Меня всё устраивает, не лезь». А потом — раз! Пропал, вернулся... вроде Яр, а вроде... Как будто подменили!

— А с Даной правда все серьезно?

Саша вздохнула и обхватила колени руками.

— Я знала, что он с кем-то встречался, но увидела её только сегодня утром. Но Ади! Последние полгода он замороженный, как робот. Она всем говорит, что они вместе, но не верю я. И еще...

Саша потянулась к подносу.

Достала из-под салфетки чёрный бархатный мешочек. Аккуратно развязала, перевернула и на её ладонь упало что-то маленькое, серебристое.

— Я думаю, он поэтому приехал тогда в ресторан. Думаю, это был твой подарок. Нашли в его одежде, когда он в больницу попал.

На ее ладоне сверкал серебряный браслет со звездочками.

— Всего одна поездка. Кто знает, может, всё, что вам нужно — это маленькое новогоднее чудо?

Саша ушла, а я ещё долго сидела на кровати и крутила в руках браслет, думая о её словах.

Ярослава избили... Довели до больницы... Угрожали тюрьмой...

И, думаю, это далеко не все, что ему пришлось пережить из-за меня. Родители Паши и Артема не успокоились бы...

Что же с тобой было?

Мне бы какой-нибудь знак... Маленький, крошечный знак!

Ехать или не ехать?

Пожалуйста, не забывают про звездочки, библиотеки и комментарии! На старте они очень важны для истории)

Глава 4

Адель

Перед глазами всплыло ещё одно воспоминание...

В декабрьских сумерках под разноцветными гирляндами сиял каток. Мы с девочками сбились в кучу, неуклюжже пытаясь встать на коньки. А ребята из класса уже вовсю рассекали по льду.

Паша... кажется, именно тогда он впервые обратил на меня внимание.

Я не придавала значения его сальным шуточкам, но предпочитала держаться на расстоянии, особенно после того, как он пару раз «случайно» толкнул, сдернул шапку и перекидывался ей с друзьями, видимо, думая, что я буду за ними гоняться и радоваться «вниманию».

А я просто прилипла к бортику и ждала, когда они наиграются.

— Я тебя раскусил, принцесса, — хриплый голос и горячее дыхание на ухо чуть не остановили мое сердечко!

Как же меня тогда затрясло! Да я повернуться боялась! Ведь иначе он бы отошел, а так стоял близко-близко, почти касался дыханием моей полыхающей щеки.

— Ты за мной шпионишь, да?

Мамочки. Ну... да, но на катке-то я правда его не ждала!

— Вот ещё. Я тут... на свидании вообще-то.

Это было фиаско. Кто меня за язык тянул?

Он не отвечал, и я уже готова была развернуться и сказать, что пошутила, а он - дурачок, раз верит всему на слово, как...

— На свидании?

Никогда. Я не слышала подобного голоса. В нем было что-то... пугающее, темное и заставляющее меня врать дальше.

— Да. И ты... в общем... ты...

Его дыхание стало почти прикосновением к моему виску, когда едва слышимый вопрос спровоцировал мой первый в жизни приступ влюбленной тахикардии.

— С тем, ради кого просила меня подыграть?

С огромным усилием я развернулась, чтобы столкнуться с черными глазами, лишенными веселья, которое ещё мину-ту назад звучало в его голосе.

— Да.

Я не смогла расшифровать выражение его лица.

И в этот момент подкатил Паша. Громко, с дешёвой бравадой, натянул шапку мне на голову с каким-то тупым замечанием.

Ярослав вдруг улыбнулся. Холодно..

— Молодец, принцесса. За свое всегда надо бороться. Мои поздравления.

Он выплюнул это так ядовито, что, будь у меня тогда хоть капля опыта, я бы догадалась: в его глазах горела ревность. Чистая, неукротимая, дикая. Она неслась бегущей

строкой по тёмным зрачкам, но была замаскирована под презрение.

Через несколько дней Ярослав сделал вид, что ничего не произошло. Просто написал, как дела в школе. А может, мне все это привиделось...

Эхо тех слов отозвалось в тишине комнаты, смешавшись с перезвоном звёздочек в моей руке.

Надо бороться, говоришь? А, знаешь, что?! Ты прав! Я поеду в эти чертовы горы и докопаюсь до истины!

Нацепив браслет на руку, я как-то слишком воинственно встала с кровати и решила сходить в душ.

В шесть утра дом спал, и я на цыпочках прошла в ванную, мысленно молясь, чтобы никто из сладких парочек не занялся... этим.

Не хотелось ни слышать, ни — не дай бог! — видеть чужих занятий любовью. Особенно не хотелось слушать визги Даны. Я почему-то была уверенна, что она пищит, как курица. Кто вообще сказал, что курицы пищат?

Боже, выброси ты это из головы!

Прикусив губу до боли, я решилась на безумие...

Прислонилась лбом к запотевшему кафелю, позволив воде течь по спине и шее, закрыла глаза, чувствуя шальной трепет.

Он же за стенкой! С девушкой! С самой что ни на есть девушкой! От осознания собственной наглости захотелось рассмеяться. А в моей больной фантазии отчётливо щёлкнул за-

мок двери...

Влажный, густой воздух будто пропитался тяжёлым, чужим ароматом — мускуса, ментола и чего-то очень мужского. Соблазнительного. До невозможности-и-и...

Спину обожгло крупными мурашками. Сердце бухнуло в груди и со свистом понеслось в живот.

Я почти слышала тяжелое дыхание позади.

Чувствовала кожей тяжелый мужской взгляд... Осязаемый, как настоящее прикосновение, он скользил по мокрой коже, по изгибу спины, по линии бёдер. В животе завязался тугой узел, тепло разлилось ниже, между ног.

Главное — не оборачиваться. Не разрушать иллюзию.

Он там, он смотрит, и он так тяжело дышит, словно мы... я... словно все...

Моя собственная рука с браслетом медленно поплыла вниз, скользя по намыленному животику... Вдох застрял в груди, пальцы задрожали... Всё ощущалось как-то уж слишком запредельно, остро, будто я и правда была не одна...

Бред какой.

Дыши, Адель. И не останавливайся, иначе ничего не выйдет!

Протолкнув выдох, скользнула рукой ниже, раз двигая припухшие складки, и всхлипнула. Это было до ужаса приятно! Горячая вода и гель творили с телом невероятное, выкрутив чувствительность на максимум.

Прижавшись лбом к стене, быстро выводила крохотные

круги на самом чувствительном месте, воображая, как за спиной у него срывается дыхание, как сжимаются кулаки, как каменеют мышцы и...

Горячая волна вынесла из фантазии моего Ярослава.

На месте парня с поколотой губой и диким взглядом стоял мужчина. В полотенце, с короткой стрижкой, ещё шире в плечах, с непроницаемым лицом и мелькающим металле во рту.

Чееерт... А ты тут откуда?! Мне оставалось совсем немного!

— Уйди... - я же не разговариваю сама с собой?

Брысь из моей фантазии!

Только вот этот новый Ярослав приблизился... Опалил дыханием мокрое плечо.

— Палец внутрь, принцесса.

— Я...

— Это не больно.

Боже-боже-БОЖЕ!

Я вдохнула резко в тот самый миг, когда кончики пальцев послушно выполнили приказ. Пар заполнил лёгкие. В фантазии губы коснулись моего плеча, а сильная рука обвила талию, прижимая спиной к мощной груди, к тому самому твёрдому, горячему напряжению, которое я могла только воображать, не имея ни малейшего понятия, каково это на самом деле.

— Я скучал, — и это звучало так правдиво, так больно и

сладко, что по щеке, смешавшись со струями воды, скатилась слеза.

Ритм моих пальцев стал увереннее, настойчивее, быстрее, представила, что это его пальцы, что он знает мое тело лучше, чем я сама. Но! Этого было мало!

Тело требовало большего, глубже, острее.

— Пожалуйста... — вырвался сдавленный, влажный шёпот, обращенный в пустоту. — Мне надо...

Его губы двигались по шее к уху, зубы легонько задевали мочку, а язык смывал капли воды. Я перестала отличать фантазию от ощущений, тело выгибалось навстречу призрачным ласкам, кожа горела.

— Я не могу, принцесса, — хрипло, безумно, с отчаянием, которое я не понимала.

Выйдя из душа, я закуталась в легкий халат и с наслаждением потянулась.

Я честно собиралась юркнуть в комнату, но живот заурчал, напоминая, что вчерашний ужин давно превратился в историю. Да и настроение было подходящим для маленького преступления.

На носочках прокралась на кухню, щёлкнула выключателем. Мягкий свет над барной стойкой осветил столешницу, заставленную остатками вечернего пира: тарелки, салфетки, кожура от мандаринов, упаковки сока и минералки. Ну и хрюшки...

Внимание привлекла небольшая стеклянная пиала. Внутрь поблёскивало что-то тёмное и соблазнительное. Вишнёвый джем. Идеально.

Я искала сначала хлебницу, а после чистую ложку и чуть не сломала посудомойку в попытке открыть это чудо техники... Почему у Юсупова все такое навороченное и сенсорное?!

И вообще. Зачем усложнять? Раз уж я сегодня нарушаю все правила, занимаюсь этим в душевой в гостях, думая о чужом парне...

С улыбкой сунула палец в густую массу, набрала хорошую порцию, утанув за собой сочную, сморщенную ягоду.

Я только успела облизать палец, когда послышался стук и шаги.

Глава 5

Адель

— Ади? — раздался глубокий грубоватый голос.

Черт!

В дверном проёме собственной персоной появился герой всех моих фантазий.

Ох...

С каплями пота на висках. В чёрных спортивных штанах и простом тёмном худи...

Влажная ткань липла к тренированному телу, подчёркивая мощные плечи и рельеф рук, узкие, сильные бёдра и...

— Ты что тут забыла? — Ярослав тяжело сглотнул и рвано обернулся назад, в пустой коридор.

Боже.

Он выглядел как живое воплощение какой-то дикой, необузданной мужской красоты. Неужели он с ней только что, почти тогда же, когда я... *Фу!*

Я резко дёрнула головой, отрываясь от дышащего тестостероном тела, но от столкновения взглядов стало только хуже.

— Доброе утро, — заторможенно, делая крошечный шаг назад, пробубнила. Хотелось бежать, выть, кусать губы — лишь бы не выдать бушующий внутри хаос.

— Доброе, — горячий взгляд обжёг мою грудь сквозь

шёлк халата, и атмосфера на кухне медленно начала раскисляться: точнее, мне так казалось. Громов вряд ли догадывался, какой эффект оказывал на мои гормоны.

Ярослав вдруг шагнул вперед, и я чуть не подпрыгнула. В два шага сократил расстояние до островка, взял бутылку с водой и сделал несколько жадно-торопливых глотков.

— Так что? — закончив с водой, тыльной стороной ладони прошелся по губам и вдруг улыбнулся. — Почему не в кровати, солнце?

Вот это его «солнце»... Откуда оно взялось вообще?

И взгляд. Сейчас, в этот момент, Ярослав смотрел как раньше, улыбался как раньше. Давал мне глупую надежду, что не зря затеяла весь этот новогодний квест. Что решение рвануть в горы было правильным.

С другой стороны... Я ведь стояла перед ним в тонком шелковом халате, который совсем ничего не скрывал, а он — взрослый мужчина, от которого исходила такая концентрация живой энергии, что воздух звенел... И он просто улыбался мне, как улыбался тогда, когда считал ребенком.

Ребенком!

Поддавшись дурному порыву, и задрав подбородок, я выпрямила спину и расправила плечи.

— Пришла позавтракать, - незаметно завела руки за спину, прокатила браслет выше по руке, чтобы он не был виден под рукавом. И постаралась улыбнуться в ответ. — А ты... почему не спишь?

— Спал, — его улыбка стала ещё шире, откровеннее.

Взгляд, скользнув по моей фигуре, вернулся к лицу, только глазах читался... азарт? Яр словно просто веселился! Хотя я вообще пыталась вызвать далеко не веселье!

— Потом был на пробежке. И тоже пришёл позавтракать. Ты что будешь?

Я настолько безнадежна, что даже соблазняю смешно? Надо было ресницами похлопать?

Не понимая, что делаю не так, я просто махнула в сторону тарелки с вареньем.

— Хотела сделать бутерброды с вареньем... — и чуть не подавилась собственными словами, когда он одним движением стащил худи через голову и бросил на ближайший стул.

Чёрная термоводолазка бесстыдно облегла тело.

Это было наглým издевательством над моим шатким самообладанием.

Я растерялась, не зная, как себя вести в этой странной игре, а он тем временем оказался уже у холодильника.

— Садись, ща всё будет, — бросил через плечо, вынимая из холодильника масло и круассаны. Круассаны. Из холодильника.

Но окончательно сбил меня с толку его тон. Звучало так... буднично.

Я села на высокий стул, как загипнотизированная, следя за его действиями. Громов разрезал круассаны, толстым слоем намазал масло, сверху выложил джем ножом.

— Без понятия, где у них чай, так что придётся обойтись тем, что есть. — Тарелка с идеальным завтраком мягко приземлилась передо мной.

— Спасибо, — прошептала, не зная, как вообще реагировать на неожиданную заботу.

С наслаждением вгрызлась в хрустящую, маслянистую мякоть, закрыв на миг глаза. А когда открыла — Ярослав сидел напротив, облокотившись локтями на стойку и пристально наблюдал.

От взгляда в горле встал ком.

Не найдя салфетки, я как можно аккуратнее вытерла губы тыльной стороной ладони. На всякий случай.

А Громов, кажется, только этого и ждал — на дне зрачков вспыхнуло с удвоенной силой веселье.

— Что ты так смотришь?.. — смущённо пробормотала я. — И почему сам не ешь?

— Просто всю жизнь считал, что медики знают толк в правильной еде, — хохотнув, он выразительно посмотрел на тарелку, где от первого круассана остались лишь крошки. — Типа, овсянка на воде с утра и всё такое. А ты явно пошла своим путём.

Медики.

В десятом классе я бредила тем, что стану врачом. Но в ситуации с моим отцом, маминой историей и семейным бизнесом это было практически невозможно. Я почти никому об этом не рассказывала.

— Ты знаешь про мед? — спросила, не веря.

— Да. Поздравляю, кстати. — Кивнул, и в его взгляде мелькнуло что-то вроде гордости. — У тебя всегда получалось добиться своего.

Это было слишком.

Браслет.

Завтрак.

Его слова и взгляды.

Была не была.

— Не всегда, — тихо выдохнула, не в силах сдержаться.
— С тобой не получилось.

Разволновавшееся сердце колотилось так громко, что, казалось, его эхо должно было разноситься по всему спящему дому. Ярослав молчал, прожигая каким-то странным новым взглядом, которого я никогда у него не видела.

Интенсивность черных зрачков сжигала, и, кажется, он хотел что-то сказать.

Но из коридора послышался хлопок двери и чьи-то быстрые шаги.

Вот и закончились праздники, всем легкой рабочей неделей! Мы приближаемся к оооочень интересным главам, вы не представляете, как Ади потрепет его нервную систему ;) Будем разбавлять рабочие будни горным весельем))

Глава 6

Ярослав

— Ну так и че? Не подписал? — облокотившись бедром о барную стойку, я наблюдал классическую, сочную картинку: моя подружка, запрыгнувшая на разделочный стол.

— Бали или Мальдивы? — одними губами произнесла Данка, немного разведя ножки, обтянутые лосинами. В ответ на мою веселую ухмылку юркнула язычком по губам, обещая райски дали на сказочном Бали и все такое.

Пробежавшись взглядом по хорошенькому силуэту, отвернулся к окну, продолжая телефонный разговор. Не, скорее сеанс успокаивающей психотерапии.

— Маш, сорри, отвлекся, — перебил словесный понос помощницы. — Итог-то какой? Отказался?

Речь шла о заказе на два ляма баксов. Пятидесятилетний Порш из частной коллекции, не на ходу, Штаты, выкуп на аукционе. Тачка херня херней, но Заславский из тех, кто выбирает не здравый смысл, а статус и понты. А я лет с пятнадцати знал, как таких доить.

Машуля — золотая амбициозная девка. Пришла пару месяцев назад на должность секретаря, пулей влетела в процессы, перехватила операционку с контрактами и таможней. Мне оставалось только кивать и заниматься тачками.

Но сейчас у девочки случился перегрев тормозов. После

личной встречи с толстозадым хером. Заславский приперся в автоцентр и устроил ей цирк с конями в последний рабочий день.

Повезло тебе, дерьмо недоделанное. Если бы я был в салоне, долго и искренне извинялся бы перед девчонкой.

— Шли его нахер от моего имени, если еще раз припрется. И подготовь сразу договор, накинь десять процентов. После праздников вернется. Подпишет, что дадим.

Потому что никому больше не нужен этот геморрой. И никто не поставит на колеса допотопного немца, тухнущего последнее десятилетие в гараже.

— С наступающими, кстати, Маш. Подарок от шефа пришел? — раздались бесконечные «Спасибо», и я, как идиот, заулыбался. Никогда не думал, что стану тем, кто, премии будет выписывать. - Супер, брось. И иди домой, не геройствуй.

Отключившись в охуительном расположении духа, обернулся и наткнулся на недовольное лицо Даны в метре от себя.

Ну, приехали. Маша для неё — красная тряпка.

Щас начнется...

— У вас все-таки что-то есть, да? — даже до трех мысленно не сосчитал. — Или было? Эта Маша вечно на меня пялится словно у меня рога выросли! Идиотку из меня делаете?

— Сама из себя ее делаешь, — лениво покачал головой, разминая шею. — А Маша просто успешно справляется с

обязанностями.

Достал из холодильника тару с мясом, снял пленку, не желая возвращаться к разговорам. Дана не была плохой девочкой, и срывать на ней раздражение не собирался.

Супер, маринад взялся. Парни должны были как раз закончить с говядиной.

— И что это значит? — подходя сбоку, Дана прям сверлила мою щеку слезливым взглядом. — А я, значит, справлялась не успешно?

Кино и немцы.

Казалось, Дана судит по своему опыту: пришла на позицию секретаря, получила «доступ к телу» и решила, что я, как и она, время зря не теряю. Трахаюсь с каждой встречной.

А у меня до нее секса не было года полтора... И сейчас кроме нее — никого. Отбило-отшептало, да и некогда.

— Сла-а-ав? Я что, плохо работала?

Ртом? Отлично.

Но вряд ли она этого ответа от меня ждала.

— Ну скажи что-нибудь?

— Мясо парням вынесешь? — смотрела, хлопая пластиковыми ресницами, будто я выдал что-то на китайском. — Окей, я сам.

Вышел из дома, отдал Филу тару с курицей и забрал пустую из-под говядины.

Слезы, истерики — не трогало. Она знала, но все равно периодами продолжала, а последнее время так уж слишком

часто. Возможно, решение съехаться было преждевременным, но...

Я плыл по течению в этом плане. Первый раз в моем кабинете — было и было. Второй, третий... Дана выдавала в сексе замашки профессиональной порно-актрисы, а после к сексу добавились ужины-обеды-завтраки, пара совместных поездок за город. Недели две назад понял, что фактически она у меня живет. Увидел две щетки в ванной.

Удобно, комфортно, всех все устраивает. Устраивало, точнее, пока она не начала задвигать про наше «совместное будущее» слишком серьезно.

— Ну не злись, — талию обвили женские руки, когда, вернувшись, загрузил использованную посуду в посудомойку. — Она меня просто выводит! Вся такая... невинная, а тебе глазки строит. Может уволишь ее?

У всех девчонок перед новым годом кукуха едет?

— Ты че, снова-заново? — резко развернувшись, скинул ее руки.

— Ну ладно, ладно! — Дана снова обняла, в этот раз за шею и прикусила губу. Секундная пауза... Три-два... Че, милая, не все сказала, да?

— Просто ты привёз меня к друзьям, мы планируем отпуск... А она...

Чтобы не вдаваться в рассуждения о нашей связи, переползающей из секса в «реальные отношения», заткнул ей рот языком.

Всё было на автомате — пресный вкус помады, приторный запах духов. Разделочный стол, к которому она меня толкнула. Никто не понял, как это вышло — Фил залетел на кухню с громогласным «А где?.. О, меня тут нет!»

Тарелка с каким-то соусом полетела на джинсы, а Фила уже ветром сдуло.

— О боже! Прости-прости-прости, я не...это... — Дана засуетилась, хватая бумажные полотенца. — Это все этот, как его! Этот рыжий!

Надо будет сказать этой птице-обломинго спасибо.

И в какой момент я стал тем, кто говорит «спасибо» за обломанный секс?

Нахуй.

— Всё в порядке. Это просто шмотки, — остановил ее руку, делающую салфетками еще хуже. — Ща переоденусь.

— Слу-у-ушай, — да как меня достали эти ее ужимки с губами и глазами! Че, нельзя либо просто по-человечески сказать? — Продолжим в душе? Туда точно никто не зайдёт, а я обещаю загладить вину.

Кто ж от такого отказывается, да?

Выдавив из себя улыбку, попросил захватить чистые вещи и свалил. Сам себя не узнавал. С возраста первого стояка интересовали только телки, вписки и легкие бабки. Попытки Абрамовой мозги вправить раздражали. А теперь че?

На-те, посмотрите.

Я в душе, и даже не жду ее.

В башке вместо порнослайдов — мысли о работе. Точнее, о бабках.

Я не знаю, что с ними делать, кроме как тратить на девчонку, с которой у нас сомнительная, кажется, изживающая себя связь. У сироты, до десяти лет жившего в детдоме, а в тринадцать угнавшего первую тачку, запросы, как понимаете, невысокие: пачка сигарет, крыша над головой и пожрать что-то кроме бич-пакетов.

Но одна мысль покоя не давала.

Второй салон, без этого пафоса. Тюнинг на все вкусы, апгрейд движков, граффити на стенах... Только понятия не имел, с чего начать. Засунуть гордость подальше и поговорить с Юсуповым?

Дана не явилась, что радовало. Замотался в полотенце на автомате, погруженный в идеи вышел из душа...

... И словил полный каматоз.

Накрыло.

Обесточило.

Мгновенно.

Моя Принцесса легиона сдохших рыцарей.

Стояла в метре от меня. Не призрак. Смотрела. Глаза в глаза, такие же ангельски голубые. Плотнее воздуха, реальнее собственного намертво вставшего пульса.

Зафлешбэчило. Не воспоминаниями — состоянием. Тем, в котором я существовал только рядом с ней: на грани между животной похотью и обожествлением, между желанием при-

душить и молиться.

Ни вдох, ни выдох. Ракетные залпы в башке. Прямой наводкой. Без предупреждения. Каждый — с тонной тротила из всего, что не сказал и что пытался забыть.

Я ж почти смог, родная...

Она испуганно задышала.

Приоткрытые губы... Мягкий изгиб, воспоминание о котором жило в голове как отдельный пыточный экспонат.

Один единственный раз было-то, а сколько после себя ненавидел, надрачивая в душе, подыхая от таких извращенных фантазий, о которых бы мечтали режиссеры дешевой, но самой правдивой порнухи...

Первая.

Научившая, что можно не просто хотеть, а болеть от желания.

Единственная.

Искалеченная сначала битами в ночной подворотне, а после — указанием моего места в жизни.

Моя несбывшаяся.

Вот и весь итог.

Не смотри так, не смотри...

Одним своим появлением, без единого слова, с космической, беспощадной скоростью отправила обратно в преисподнюю, из которой год зубами выгрызал дорогу. И все, выходит, напрасно.

Солнце.

В долбанном темном коридоре без освещения сияла. Золотая девочка, залезшая в голову, душу и сердце, перевернувшая все, подарившая тупую надежду полнейшему отбросу и оставившая подыхать на больничной койке едва живого.

Адель Волконская.

Она была Принцессой. А я тем, кто умер ради Принцессы.

Для тех, кто хочет узнавать новости раньше, наслаждаться артами, видео и закулисными диалогами, мой ТГ "твой автор, Лисса Джонс"

И, пожалуйста, не бойтесь оставлять комментарии, делиться переживаниями, добавлять книгу в библиотеку и просто писать автору!##

Глава 7

Ярослав

Буквально. В двадцать один я сдох, не дойдя до дома несколько метров. Через три дня после ее семнадцатилетия.

Губу обожгло в том месте, где когда-то был прокол. Табло тогда расквасили так, что пришлось избавиться от штанги.

Два года... Кто бы мог подумать, что все так выйдет?

Тогда я и сам не понимал, чё творю. Зачем-то начал переписку с малолеткой... Все думал, нахрена? Из спортивного интереса? От скуки?

А ещё больше понять не мог, нахрена это ей. Зачем ей я? Я же был для неё как чёрная дыра — ни света, ни надежды, одни обломки.

А потом торкнуло. Увидел. Да у нее на лице все написано было. Смотрела, как на... Никто так не смотрел. Будто видела перед собой не меня, а какую-то свою, выдуманную версию бога. И верила в неё свято, фанатично, беззаветно.

А я ж мудак. Законченный. Я, сука, поиграть захотел. Посмотреть, на сколько у неё сил и терпения хватит. Таскал девок, перед камерой ее звездные шоу устраивал. Ждал, когда сломается, плюнет и уйдёт. Докажу себе, что прав — все одинаковые, все разочаровываются.

Она не сломалась. Видел, как первый раз, в гараже, охре-

нела. А меня повело, когда вылизывал glands той девки, чувствуя взгляд принцессы через объектив.

У меня какой-то прилив садистского удовольствия от боли в ее глазах случился. Психиатрия, вызывайте санитаров, вяжите в смирительную рубашку. Только они бы не справились.

Чем дальше, тем хуже. Не мог остановиться, написывал, как поехавший, в каком-то шоке замечая, что вообще-то у нас общее черное чувство юмора. Сам ждал, когда она придумает очередной повод для встречи, все сильнее увязая в дrochenове. Ну, бл, чемпионский разряд по саморазрушению.

И мне же правда нравилось — не те девчонки, а все вот это. Вozил её то в заброшку, то в гараж, то в закрытый днём бар — места, где она как белая ворона... Ловил приход за приходом, лизаясь на глазах принцессы, и сам не заметил, как вместо их лиц в башке поселилось ее.

Весной принцесса изъявила желание провести последнюю фотосессию. Последнюю! У нее контрольные на носу, и, видите-ли, готово портфолио. Хотела реально парочки фоткать!

Крыша. Катя-Лена-Вика? В плаще на черное кружевное. Усадил на себя, сидел на парапете... А в башке не эти ноги, а другие. В узких джинсах, которые я бы стащил прямо здесь.

— Ярослав?.. А можешь... Можете встать к трубе? И ты сзади девушки...

У меня от одного ее «Ярослав» член по стойке смирно

стоял, а после озвученного... Слюной подавился, пока девочка активно кивала.

Адель ничего не просила в моменты съемки: обычно ее все устраивало. Это было ее первое озвученное вслух желание.

Какие у нас вкусы оказывается, Принцесса.

— Сзади, да?

Кра-а-а-асная, как помидор, кивнула.

Блять, никогда в жизни с таким животным удовольствием не подчинялся. Кирпичи, откиннутые волосы, чужая шея... Представлял, как вгрызаюсь зубами в хрупкие позвонки, как вздрагивает и это свое «Ярослав...» выдает.

— И зажми ей руки над головой.

Командирша мелкая. Осмелела.

А яйца уже синие. Простреливало так, что башка кругом. И все хуже и хуже....

Зажмурился, но темнота не помогла. Первоклассная ебля в башке только ярче стала. Прижимаясь к выгнувшейся подружке слышал не притворный стон, а сдавленное, задыхающееся: «Да... вот так...».

— Ярослав... давай ее отпустим, а?... — прохрипев, девочка прижалась задницей к члену.

ДА КАК, КАК БЛЯТЬ?!

Вот тогда и понял.

Не могу. Не могу я ЕЕ отпустить!

А в реальности принцесса испуганно шагнула назад, собираясь исчезнуть в темноте коридора. Нет, блять, нет! Ма-

ло мне, не успел, не посмотрелся, не запомнил...

Какая ты стала... Охуенная.

— Привет, солнце, — браво! Даже не подавился! Хотя от одного вида приоткрытых губ всё внутри горело.

— П... п-привет.

Ее голос.

Ее глаза.

Чистая одержимость по венам, с удвоенной силой. Тогда я тешил себя мыслью, что не трону ребенка. Сейчас предо мной стояла самая влажная порно-фантазия.

— Слав, я нашла чистые вещи в чемоданах! — высокий, сладкий голос. Ледяной душ.

— Спасибо, — взял протянутые вещи, глядя на Дану. Тихая гавань, остров адекватности просто. Оборжаться.

Дана вопросительно выгнула бровь от маньячной усмешки, которую не смог сдержать. Язык чесал как помело.

— Ади, это моя девушка, Дана. Дана, это Адель. Моя... — МОЯ! Гомерическим хохотом бы разразиться. — Адель.

— Да-да, та самая девушка, которую ты спас от каких-то малолетних придурков, — Дана перехватила инициативу, прижавшись ко мне. — Саша нас представила.

— Абрамова, значит. И почему я не удивлен.

Свалить, мне надо было свалить.

Ванная.

Раковина.

Ледяная вода.

Упёрся лбом в холодное зеркало. Дышал, как загнанный бык. В ушах белый шум.

Че происходит? Я ж спрашивал русским языком: кто будет?!

Ее в списке желающих потусить в горах не было! Я, бл, два раза переспрашивал!

Убью, Абрамова. Прибью к чертовой матери! Сябитова херова!

В зеркале — псих двухлетней давности. Колотит так, что в груди трещит.

Как тогда. После съемки.

Не помню, как спровадил Вику-Лену-Веронику. Помню только, как стояли друг напротив друга.

Онёрся о мотоцикл, достал сигарету. Руки слегка тряслись — отхлёстывало адреналином. Она стояла в паре метров, молча смотрела на дорожку, залитую золотым светом. Закат.

Первый теплый день в году. Плюс двадцать, а на днях снова обещали снег.

— Было очень красиво, - в рыжем свете она казалась ненастоящей. Как будто сейчас растворится. От мысли под ложечкой засосало так, что аж дыхание перехватило.

«Как ты меня вообще вывозишь?»

— Мне пора, — тихо, с какой-то прощальной улыбкой. Довёл. Поигрался. Себя переиграл. Выбросил сигарету — курить больше не хотелось.

— Хочешь проехаться?

По глазам видел — хочет. Только не сразу осознал, что ляпнул.

— Но у меня шлема нет... Не рассчитывал на пассажира, — откровенно говоря, у меня его и не было. Пару раз катал Абрамову. Не зашло с нажопницами ездить.

— Ну... — теребила ремешок от сумки с фотиком, смотрела снизу вверх так, что в крошево перемалывала. Нежная. Такая... дышать на нее боялся. И в тоже время скручивало от желания по-животному. Вынос мозга. — Ты осторожно, ладно?

Два слова. А в них — абсолютное, безрассудное доверие.

— Осторожно, — хрипло повторил, как инвалид.

Чёрт с ним, со шлемом.

Ветер трепал ее волосы. А у меня на запястье болтались браслеты, пара чьих-то резинок. Толи Сашиных, толи этой девицы подставной... Сам охуевал от своих идей.

— Что? — засмуцалась.

— Повернись ко мне спиной.

«Сзади, да?»

Бляя, такая послушная... Без спора, без слов. Просто развернулась, подставив мне спину и копну растрёпанных волос.

Подошел вплотную, пропустил пряди через пальцы. Мягкие, а пахло от нее... Чистотой. Какой-то... вишней или теплом. Кайф. Стараясь не дёргать, завязал хвост, затя-

нул своим браслетом. Моё — на ней. Примитивное клеймо.

Она потрогала его кончиками пальцев, когда я закончил. Потом обернулась. Хвост лежал на её плече... Когда села сзади и обняла...

Кажется, я тогда и решил, что точно не отпущу. Кто бы мог подумать, что отпустить все же придется?

Все уже, че страдать? Откатить назад — не вариант. Я ж хоть раз попытался сделать правильный выбор. Быть *хорошим* для кого-то. Я... ну, хоть узнать, как она, могу?

... Вышел снова в коридор. И принцесса, бросив о том, что даже есть не собирается, сбежала.

Дорогие, как вам наш Ярик? Кто-то уже знает его по истории Димы и Саши ;)

Пожалуйста, те, кто читает, оставьте пару комментов под этой главой. А я постараюсь вернуться со следующей очень быстро, обещаю ##

Глава 8

Ярослав

Ночь без сна. Филиал ада, конвейер картинок в голове и мысли-мысли-мысли. В шесть утра свалил из постели, как псих ей-богу, но физически перекручивало от девчонки рядом.

Легкие полыхали, мышцы горели, пот ручьями лился — носился до потери сознания по району в попытке сбежать от мыслей об ошибке.

Нет, сука, нет! Единственное, че сделал правильно в своей ебеано-гребанной жизни, так это свалил с ее радаров! Оберегал же ото всех, и от себя впервые очередь!

Так следуй своим решениям. Держи, бл, слово.

И вот она, моя повзрослевшая принцесса. В золотом халате у барной стойки.

— Ади? — столбом стоял, а кислород комом в горле, как на пробежке. Имя ее... Хрен же востришь вторую такую. Сто лет не произносил, а за последние сутки аж два раза.

Глаза в глаза.

И снова. Вызывайте санитаров.

Выпотрошила. Рассматривала меня, поджигала, гореть заживо заставляла. Хотела? Да ладно... Нереально... Неужели, солнце, все еще?.. Ни с кем не замутила?

От мысли о ней рядом с каким-нибудь обсоском стало фи-

зически плохо, пришлось вклеить себе мысленную оплеуху.

— Ты что тут забыла? — оглянулся. Мы одни...

— Доброе утро, — и снова этот долбанный шаг назад!
Будто я зверюга какой-то!

— Доброе...

Хотя прямо сейчас... не уверен, что она на моем табло читала. Я ее без белья не видел, а тут... только очертания, но взглядом облапал девчонку в этом порнушном халатике и понял, что все. Кроет. Волной такой дикой, животной похоти, что в ушах зазвенело. Очухался только тогда, когда уже машинально шагнул вперёд — и рванул к воде.

Стало чуть легче. Или просто мозг прояснился на секунду, чтобы я мог снова на неё смотреть.

Доволен, а? Трясется, сжалась... Че, нравится? Еще думаешь, что зря исчез?

Рядом с ней черти наружу вырывались, превращался в неуправляемое нечто.

— Так что? — закончив с водой, тыльной стороной ладони прошелся по губам. — Почему не в кровати, солнце?

От улыбки принцесса немного расслабилась. И даже выпрямила спинку. Суука-а-а-а. Как нравилось! Никак не мог перестать скалиться.

— Пришла позавтракать. А ты... почему не спишь? — не жалась, не хлопала глазами, смотрела с таким интересом искренним!

Либо она научилась первоклассно вгонять мужиков в со-

стояние неконтролируемого стояка сочетанием этой невинности и такого похотливого взгляда, либо...

Беги от меня, Солнце. И так на волевых держусь, а узнаю, что ты еще моя...

И ничего! Ничего не будет.

Так, сука, хотеть то, что тебе нельзя... С ума сводит.

— Спал. Потом был на пробежке. И тоже пришёл позавтракать. Ты что будешь?

Хотел остановить ее, чтоб со мной посидела. Худак мокрый стащил и к холодильнику, с наслаждением чувствуя ее взгляд на себе.

Либо я окончательно сбрендил, либо девчонка плыла. С ней не мог быть уверенным, мозг с удовольствием выдал бы желаемое за действительное.

— Хотела сделать бутерброды с вареньем...

— Садись, ща всё будет, — бросил через плечо, вынимая из холодильника масло и круассаны. — Без понятия, где у них чай, так что придётся обойтись тем, что есть.

Адель набросилась на еду, а я сидел напротив и вспоминал, как тогда, в баре куда привез ее после последней съемки, она с аппетитом трескала всевозможные закуски к пиву.

Да, блять, я тарелку луковых колец, гору фри и рыбу взял. Романтик от Бога, но там без шуток самые охрененные закуски в Питере. И литры безалкогольных ягодных сидров из собственной пивоварни.

Аж смешно стало. Нашел, куда прикатить. Мозг был залит

спермой.

— Что ты так смотришь?.. — вытирая губки после первого круассана, добавляя моим и без того перегретым мозгам очередную порцию похабных фантазий. — И почему сам не ешь?

— Просто всю жизнь считал, что медики знают толк в правильной еде. Типа, овсянка на воде с утра и всё такое. А ты явно пошла своим путём.

— Ты знаешь про мед?

Черт. И как мне это объяснить? Следил за тобой в соцсетях? Абрамова сказала? ДОГАДАЛСЯ? О, не, ещё лучшие: просто помню каждое твое слово!

— Да, — никак не стал комментировать. — Поздравляю, кстати. У тебя всегда получалось добиться своего.

Адель помолчала. И выпустила контрольный. Прямо в голову.

— Не всегда. С тобой не получилось.

Адель

Смотрели друг другу в глаза не отрываясь, и никто не решался ни переспросить, ни продолжить. На миг показалось... Понял?..

А потом — грохот, голоса, запах улицы и холода.

— САЛЮТ НЕСПЯЩИМ! — пробасил Фил, врываясь в тишину кухни. За ним вошёл яркий блондин с заливчатской улыбкой, осветившей полумрак.

Я помнила его смутно, со школьных времён, с трибун, где

кричали «Касатки, вперед!». Но он славился не талантливой игрой в баскетбол, а талантливыми замашками тогда еще начинающего сердцееда.

Максим Разумовский. Сын политика, о чем мало кто знал. Популярный певец-блогер, выстреливший буквально за год — вот об этом уж точно знали все.

Бросив на меня быстрый, нечитаемый взгляд, Ярослав встал и развернулся к пришедшим... Будто стесняясь, что вообще говорил со мной? Так, чтобы меня не было видно из-за его спины... Так, будто я была чем-то постыдным, что нужно спрятать.

Бо-о-оольно.

Как же больно...

— Ка-а-акие люди! — Дружеские похлопывания по спине, мужские объятия... Это было странно. Видеть Ярослава Громова и Максима Разумовского в одной Вселенной как минимум.

— Готов поиграть? — потирая руки и широко улыбаясь, Макс хитро прищурился. — За пять ночей шестерка, а? Придется бахнуть разок тройнич...

— Вообще-то он уже с подружкой, — перебил, хмыкнув, Фил. — С девушкой.

С девушкой.

Слово ударило по натянутым нервам, словно хлыстом. Ну что я за человек? А если бы я оказалась на месте Даны?! Если бы я спала, а какая-то девица в это время признавалась

ему в чувствах?!

— Нееет... — разочарованно протянул Макс. — То есть я теперь единственный не каблук?!

— Разум...

— Как ты мог?! Как??! Ты меня предал! Единственный достойный соперник сдался без боя!

— Максим, — негромкий кашель. Ярослав, судя по тому, что я видела за его широкой спиной, сложил руки на груди, склонив голову к плечу. — Успокойся. Судя по запаху, тебе надо проспать перед перелетом, — сказал он тише, чем болтали парни, но в его тоне явственно прозвучало предупреждение.

— Ага, надо-надо, только пож... — ловко юркнув сбоку от Громова к столу, Макс замер, накинувшись на меня. — ...рууу. Ну привет, конфетка. — Он сменил открытую улыбку на медленную, хищную ухмылку, обнажившую идеальные зубы. — Так ты и есть подружка?

Или как убить одним вопросом.

Ярослав так и не развернулся к нам лицом, остался стоять с опущенной головой.

Обняла себя за плечи, пряча слишком тонкую ткань халата, но ответить на не успела.

— Не обращай внимания, Ади, — рядом с Максом материализовался вполне мирно улыбающийся Фил. — Это Максим. Максим, это Адель, и нет, она не подружка. Но придержи коней, — Воронов двинул блондинчика локтем в бок.

— Димон тебя кастрирует.

Воронов, подмигнув мне, направился к холодильнику, как и Ярослав, уже что-то тихо говорящий Филу. Я бросила на них взгляд украдкой, когда над головой раздался негромкий вкрадчивый баритон.

— А с каждой секундой все интереснее и интереснее, — взгляд ледяных озер прополз по моему лицу, по тонкой ткани халата, по босым ногам. А после стремительно взлетел снова к лицу.

Максим стоял слишком близко к моему стулу, обдавая ароматом дорогого алкоголя.

А Он... Достал из холодильника еще одну бутылку и пил, стоя к нам спиной. Потеряв интерес совсем. После моих слов... Жалкая Адель. Дурочка Адель. Наивная Адель. Так и не изменилась.

— Ну и кто ты такая, конфетка?

— Та, кто уже уходит, — спрыгнув со стула по другую сторону от парня, дернула носом. Не хватало тут перед ними слезы лить. — Хорошего утра всем.

— Стой-стой-стой! — на запястье сомкнулись чужие пальцы, а блондин как-то слишком самоуверенно двигался для пьяненького. — Я тебя напугал? Прости! Просто... ты очаровательная, Адель. Наш мистер фрик-контрол запрещает тебе веселиться? — Он наклонился ближе, дыхание, пахнущее мятой и алкоголем, коснулось щеки. — У меня есть связи с его девушкой. Хочешь, вызволю из башни дракона?

Побуду твоим принцем.

Глядя на чужую руку, обхватившую мою, я ждала, что вот сейчас Ярослав хоть что-то сделает... или скажет... Вспомнила как в баре, где мы были один раз, я осталась на пару минут одна, и за столик подсел какой-то мужик за сорок... Помню, как он впечатал голову этого мужика в этот наш столик...

А теперь он просто молчал. Все еще не поворачивался... Они с Филом искали кофе и чай, негромко переговариваясь.

— Не запрещает, — ответила как можно спокойнее, освобождаясь из цепкой хватки. — И я люблю злых и огнедышащих драконов. Принцы как-то не впечатляют, прости.

Максим усмехнулся, будто получил именно тот ответ, на который рассчитывал.

— Буду кем захочешь. Познакомимся поближе?

Если не понимает по-хорошему...

— Адель Волконская. — Выпрямившись, протянула ему ладошку.

Я почти никогда не пользовалась фамилией, но этот самоуверенный парень явно не понимал по-хорошему. Так и подмывало наклеить на лоб стикер «мой папа тебя в асфальт закатает».

— Не-не-не, это не знакомство. Где твоя комната?

Ну, какой! Шут гороховый!

— Можем познакомиться на свидании в анатомичке.

И снова — ничего... Тишина с Той стороны...

— О, и что это? Ресторанчик? Отель с особым антуражем? Я сладко улыбнулась через полоскающую сердце боль.

— Помещение для препарирования и изучения анатомии человека. Там прохладно и есть большой металлический стол, на который можно лечь.

Секундная пауза. Максим разразился заразительным громогласным хохотом, и даже Фил его поддержал. Смотреть в сторону Ярослава сил не было... Если бы заметила, что и он смеется...

Смешная забавная Адель.

Вечно говорящая невпопад.

Развернувшись, полетела к выходу с колотящимся от обиды сердцем и кипящими слезами на глазах, а мне в спину полетели очередные «веселые» словечки.

— Парни, а запишите-ка нас в ваш клуб женатиков! Чую, это будет угарная, горячая поездка! Ставлю ящик «Блэка Лейбл», что...

Оглушительный, резкий, леденящий звук разбитого фарфора.

Взрыв матов, оборвавшийся смех...

Обернулась и провалилась в черную бездну его глаз.

Ярослав стоял у раковины. В сжатом, побелевшем от напряжения кулаке торчали осколки кружки. Уродливые и острые.

А между пальцев стекала тонкая струйка крови, алыми каплями падала на пол.

Глава 9

Адель

Пахло холодом. Не питерской сыростью, а настоящим, колючим, пронизывающим морозом. А ещё кружащей голову свежестью.

На высоте в тысячу метров над уровнем моря воздух был не просто чистым, он имел вкус — кристальный, острый, как ледяная крошка на языке.

Поглубже вдохнув, я поднесла фотоаппарат к лицу.

Золотой свет из огромных окон деревянного шале-ресторана пробивался сквозь ранние сумерки, рассыпаясь по снегу тысячами тёплых искр. За окном, вокруг крошечного круглого столика, стояла веселая компания. В ярких лыжных комбинезонах, взбудораженные, поднимали бокалы с игристым...

Я же ловила двоих у самого окна... Ждала, выдыхая пар...

И вот парень, высокий, с тёмными влажными от пота волосами в очередной раз посмотрел на Нее.

Щелк.

В его глазах была такая щемящая душу смесь нежности, обожания и притаившегося счастья, что сомнений не оставалось. В новогоднюю ночь здесь, среди гор и снега, прозвучит тот самый вопрос.

Невольно улыбнувшись, отвернувшись, не решаясь дальше

подсматривать за чужой любовью.

До самого носа спрятавшись в воротник пуховика, подошла к ограждению смотровой площадки.

Сюда свет от ресторана не доставал, а алое солнце спешило скрыться за заснеженными хребтами. Внизу, в чёрной бездне, мерцали огоньки базы. Где-то там был мой домик.

Пустой. Тихий. Где никто не ждал с вопросом, от которого замирает сердце...

Браслет на запястье обжог кожу.

«С тобой не получилось»...

До боли прикусила губу, отчаянно жалея о сказанном. Сама же убила даже намёк на хоть сколько-то дружеское общение...

Хах! Дружеское?! Дружеское?!

А может, и да! Дружеское! Только бы не терять. Иметь возможность видеть, слышать. Однажды даже переболеть тобой...

Глаза пекло от желания расплакаться и выплакать больные чувства к тому, кому они никогда не были нужны...

Ошпарила безумная мысль прямо сейчас расстегнуть застежку, швырнуть символ разбитой любви прямо с горы, подальше, в обрыв! Судорожно вздохнув, полезла под рукав пуховика...

— Адель? — сладкий голосок прозвучал за спиной, оставливая. — Это же ты, да?

О боже.

Взгляд на руку... Что я чуть только что не сделала?

Снова спрятала украшение, обернулась, встречаясь с блестящими глазами. Дана в ультракоротенькой белой шубке и белых лосинах стояла напротив, держа в руках дымящийся картонный стаканчик.

— П-привет, — натянув на лицо фальшивую улыбку.

Ну почему... Почему на таком огромном курорте будучи на грани слез мне нужно было встретить именно ее?!

— Тоже гуляешь? Мы вот решили пройтись, подышать после перелёта и поужинать.

Уверенное «Мы» отдалось болью под ребрами.

— Эти лыжи вообще не моё, если честно. И все эти зимние курорты... Б-р-р. — Она театрально поёжилась. — Ненавижу холод и снег. Вечно мерзну.

Эх, знала бы — не слилась бы с катаний. Я так не хотела видеть его и ее после перелета, что отказалась пойти с ребятами, а оно вон как... Судьба-злодейка все равно нос к носу столкнула.

— А зачем тогда поехала? — потрогала веки, щеки, избавляясь от мокрых следов.

— Ну как... Совместные путешествия сближают, слышала о таком? — она сделала глоток из стаканчика, взгляд стал хитрее и веселее. — А нам было бы неплохо сблизиться где-то помимо кровати.

Воздуха снова не хватало.

Как же пренебрежительно эта девушка отзывалась о со-

кровенной близости, о которой я могла только мучительно догадываться...

Дана хихикнула, прикрыв рот ладошкой, и я только сейчас заметила, что она немного подшофе.

— Так вот, мало того, что Ярослав вечно занят, — и продолжила, будто делясь с подругой житейской проблемой, — ещё и в офисе одна девица ему глазки строит! Знает, что он занят, что это мой мужчина, что у нас всё серьёзно, и не останавливается!

ЕЕ! Ее мужчина, ее!

— Какой же сукой надо быть. Ну ничего, на чужом горе всё равно не построишь...

Я не... Я не такая... Я не хотела!

Не хотела, но сказала? И попытки соблазнить посреди кухни — тоже не хотела?!

— Знаёшь, мы только прилетели, а Слава уже такой молчаливый... Вдруг он скучает по ней?!

Не могла больше это слушать. Герой-любовник, блин!

— Прости, уже поздно, — успела лишь шаг сделать.

— Конфе-е-етка! — в этот момент из ресторана вышел он. *Ее Ярослав.* И не один.

— Чего мерзнем? Идите к нам! — Рядом с Громовым, подкуривающим сигарету, появился Максим Разумовский.

Будто мне было мало, Судьба решила добить его взглядом.

Пустым, безжизненным посмотрел в нашу сторону. Рав-

нодушно скользнул по мне, как по незнакомке. Моча закурил, пока Макс жестом позвал к себе.

Это был конец.

Всё внутри рухнуло, рассыпалось в ледяную пыль.

Никто не сказал, что на этом роскошном курорте я не воскрешу свою первую любовь, а тихо, мучительно похороню.

Спустя минуту за столиком, за которым эти трое уже давно сидели, устроились мы с Максом.

Сама не знаю, зачем согласилась. Расставить для себя все точки? Понять, что можно смело двигаться дальше? Попрошаться?

Макс вёл себя как джентльмен. Галантно помог снять пуховик, заказал ужин, не прикасался. Просто сидел рядом на диванчике, закинув руку на спинку.

Краем глаз заметила, как они вернулись. Дана направилась прямо к нам, сияя, а Ярослав остался у бара. Даже не смотрел в нашу сторону.

— Конфетка, ты чего? Почему такая грустная, а? — блондинчик задал вопрос без привычных сальных интонаций, тепло и заботливо. Только заправил за ухо мою непослушную прядь и снова вернул руку на спинку. — И чего не поехала поткаться?

— А ты почему? Судя по тому, что ты здесь, а не на склоне, ты тоже не поехал, — улыбнулась в ответ, не смотря на крошево под ребрами.

Не смотреть на бар. Не смотреть на бар.

— Поехал, — пожал он плечами. — Но кататься там не с кем. Мои друзья обучают своих девушек. Абрамова вообще падает чаще, чем стоит. И нет, черт с ними! Я сделал для них все что мог, рад за них, но это не отменяет того факта, что вы, девушки, занимаете чертовски много времени!

— А что ты сделал? — Дана плюхнулась на диванчик напротив, игриво накручивая на палец идеальный локон.

Макс тут же улыбнулся ей.

— О! Если бы не их верный друг, они бы до сих пор страдали бы херней и строили друг другу глазки издалека! С Димоном было легче всего. Один раз в библиотеке с Абрамовой, и он взорвался от ревности. С Филом сложнее. Он твердолюбый, но я... Я, дамы, хитрее.

— Ой, а можешь... — Дана наклонилась через стол, её голос стал томным, умоляющим. — Сделаешь так, чтобы Славик меня к тебе поревновал?

Я даже рот приоткрыла от нелепости и гадливости. Ей-то зачем? Он и так ее. А ей нужны его страдания?

Она, видимо, не понимала, какого это: ревновать.

— Ауч, — ухмыльнулся Макс, только в лице промелькнуло что-то нехорошее. Он тоже подался вперед, шурясь. Выглядело так, будто эти двое флиртуют.

— А ты в курсе, что когда видишь свою девушку рядом с другим... это больно. Иногда до такой степени, что хочется сдохнуть. Или залиться до беспамятства, чтобы вообще ничего не чувствовать.

Его слова повисли в воздухе. Тяжёлые. Неожиданно откровенные.

И в этот момент краем глаза, против воли, я всё жеглянула на бар.

И застыла.

Не забывайте про "звездочки" книге и отзывы, пожалуйста

Глава 10

Адель

Забрав бутылку у бармена, Ярослав пил прямо из горлышка, запрокинув голову. Свободная рука с белой повязкой на ладони впивалась в край стойки.

— Я делал это только чтобы открыть глаза своим друзьям, — продолжал Макс, и в его тоне впервые прозвучало лёгкое отвращение. — А вы уже вместе. Ты хочешь сделать ему больно просто так? Для развлечения?

— Ну, может, чуть-чуть... — Дана прикусила нижнюю губу, облизывая парня взглядом. — Чтобы не расслаблялся!

Смотреть на Громова было физически больно. Несмотря на то, что у нас не вышло, несмотря на утро и его ледяное равнодушие — я не желала ему боли. Никогда. Видеть, как он методично уничтожает себя, было в тысячу раз невыносимее, чем наблюдать его с ней.

Зачем ты так с собой?!

Из-за нее, да?

Она ведь это все в шутку, дурак... Какой же ты идиот, Громов!

— Адель? — серьезный голос Макса пробился сквозь гул в ушах.

Резко встряхнулась, вынырнув из оцепенения.

— Вспомнила, что записывалась в СПА на вечер, — вы-

палила первое, что пришло в голову, поднимаясь с дивана...

Бежала из ресторана. Как в тумане вниз на фуникулере, до домика по снегу в разобранном состоянии...

Ворвавшись в домик, задыхаясь, содрала с запястья браслет. Кожа под ним правда была красной, почти воспалённой...

— ИДИ ТЫ К ЧЕРТУ! ВАЛИ! — занесла руку, чтобы швырнуть, но в последний момент... Упала на кровать, сжавшись. Браслет оказался на мягком ковре.

Ждала, когда хлынут слёзы. Но внутри была только сухая, выжженная пустота. И дикое, неконтролируемое желание не чувствовать вообще ничего, как и говорил Максим.

За окном окончательно стемнело.

Снег прекратился.

Часы показали девять вечера.

Не думая, не видя перед собой ничего, на автомате взяла белый халат и шлёпанцы, предоставленные базой. СПА так СПА.

После часового массажа к десяти часам в комплексе почти никого не осталось. Всего пара таких же одиноких чело-
век... И музыку сделали повеселее и погромче, видимо, спасая нас от тишины.

Попросив девушку-администратора сделать пару фото, попозировала, повалялась на шезлонге, рассматривая фотки, а после, стиснув зубы и продолжая настойчиво себя развлекать, решила зайти погреться в пустующий хаммам.

Ох...

Заворожённая, подошла ближе к панорамной стене-окну с видом на ночные горы и звездное небо.

— Ну, привет, солнышко.

Ярослав Громов толкнул меня спиной к стеклу, прижавшись всем телом.

Сжал в кольцо рук так, что дышать стало больно. Пьяным взглядом поджигал душу, салютными залпами взрывая нашу переломанную несбывшуюся...

— Пойма-а-ал, принцесса. Я тебя наконец-то поймал, — улыбнулся, резанув по живой душе.

— Ч-что... — держал так, будто боялся, что исчезну. — ... ч-что ты....

Высокоградусным алкоголем заполонило воздух.

Лбом ко лбу прижался. Губами к губам, нежно потерся кончиком носа о нос, превращая тело в трясущееся желе.

— Это же ты, да? Реально ты? Настоящая? — пятерней впился в бедро, сжал, погладил, снова сжал. Пальцы другой руки нежно, почти с благоговением гладили щёку. — Или я ебнулся? Сдох в той подворотне, а? — одержимо рассмеялся, закинув голову назад.

Боже, что, что он нес?!

— Я-яросл-л... — пыталась оттолкнуть, упираясь в широкие плечи ладошками, но даже пьяным он не сдвинулся с места. — Ты не умер, не говори так, пожалуйста...

Кипящие, предательские слёзы подступили к глазам, стремительно размывая его красивое опустошенное лицо.

— Скучал. Подышал. Аде-е-е-ль... Такая принцесса... — горькая улыбка, и снова губы в губы, потерялся.—Моя «не моя»... — Как раненный зверь, заставляя проглотить огромный ком горечи в горле.

А ты, Громов, мой «не мой».

И кто виноват?

— Бля-я-я... — Облизнул мои губы, царапнув теплым металлом пирсинга. С шумом выпустив воздух.

А я вцепилась в его шею, только бы отрезвить, только бы привести в чувство...

— Я так и знал... Вишневая, мм? Охуительная, солнце.

Что, что, чтоо-о-о он говорил?! Что творил?!

Слезы собирались под веками. Трясло от горячих губ, от развязно гуляющих по талии, плечам и шее горячих ладоней... От плавных движений его бедер в мои, демонстрирующих его возбуждение.

Твердый, Господи, какой он был горячий и твердый, а я даже не знала наверняка, я ли этому причина или литры спиртного, плескающегося в дурной крови...

Нельзя, нельзя, нельзя!

— Отпусти... — голова кругом шла от вылизывающего шею языка, от давления штанги на пульсирующую венку. — Так н-нельзя-я-я... — первый громкий. Судорожный всхлип отскочил от каменных стен.

И он замер.

Выпрямился. Глаза в глаза. Зачаровано.

— Нельзя, понимаешь?! Нельзя! — уже не пряча слез, держалась за его руки. — У тебя Дана! Влюблена в тебя, идиота!! Слышишь! — хотелось тряхнуть его, бить, колотить и царапать!

А он стоял каменным изваянием и смотрел.

Капля пота, упавшая с его мокрого лба на мои губы.

Спазмированный выдох.

Один на двоих.

— Прости, солнце, — с болью взыв, с воспаленными блестящими глазами. — Не могу больше... — мое лицо в своих ладонях держал. — Я отпущу, слышишь? — и снова губы к губам, судорожно дыша. Как одержимый. — Только один раз... Пожалуйста...

И закружилось.

Стремительно взлетевшая ладонь накрыла затылок, запуталась в волосах заставляя откинуть голову назад, давая полный доступ к раскрытым губам.

Опаляющие, клеймящие, стирающие собственное имя влажные сладкие поцелуи.

— Шире. Не бойся, — Ярослав задышался, выдыхая жадную просьбу вместо кислорода.

Мокро... глубоко... Без шанса на вдох без него.

Врываясь языком в мой рот, вылизывая, переплетая в безумном танце, надежно фиксируя голову, выпивал душу

до черноты перед заплаканными глазами.

А еще его трясло... Колотило... Сердце рвалось из грудной клетки, будто пытаюсь врезаться в мою и остаться там навсегда. Пот катился ручьями.

Хаммам и алкоголь, помешанные на взрывающееся сексуальное напряжение... бедное его сердце...

Я запищала прямо в поцелуе, когда мужская ладонь, дернув наверх чашку купальника, накрыла мою грудь, вырывая из сладкого ядовитого морока.

Нет, нет, только не так...

Не так, не здесь, не мы!

— Какая ты мя-я-ягкая. Охуенно... — прохрипел прямо в губы, и в его голосе было дикое, пьяное восхищение. — Такая сладкая, принцесса... *Мечта*. Ты моя мечта, Адель Волконская.

А все, о чем мечтала я — нежный первый раз, любовь — рушилось на глазах, пачкалось в отчаянной пьяной грязи, которую не отмыть...

Влажные губы обхватили сосок вместо пальцев, и острый, обжигающий язык грубо лизнул чувствительную кожу, ударяя штангой. Тело подводило, таяло, выгибалось в его руках.

— Мм... — Ярослав застонал, и звук, низкий и похотливый, отозвался во мне спазмом глубоко внизу.

— Останов...ись...

— Не плачь, только не плачь... — пробормотал, не отрывая губ от моей груди, и шепот, приглушённый моим телом,

звучал так мучительно мягко, разрывая сильнее любой гру-
бости.

Он смотрел на меня снизу вверх воспалёнными, безумны-
ми глазами, а в них читалась вселенная боли и желания.

— Нравится? — язык описал медленный круг. А мне бы-
ло и больно, и стыдно, и так безумно хорошо от его прикос-
новений, что мир таял.

*Добрался, мальчик) Дадим ему карт-бланш или дадим по
башке?)*

Глава 11

Адель

— Очнись, пожалуйста... Я н-не хочу... делать больно...
— бормотала сквозь ручьи слез, вцепившись в его плечи до кровавых отметин.

Еще чуть-чуть. Совсем немного и закричу.

Только этот придурок совсем не реагировал. Не сдвигался с места в ответ на попытки толкаться и царапаться... Целовал, трогал, прижимал к себе будто все это было по-настоящему.

Невыносимая пульсация болезненным поясом сковала низ живота. Замерла, дышать перестала, растворяясь в жарких касаниях ладоней и языка к собственной разгоряченной коже.

Надо, — мне надо! — было остановить его, чтобы завтра не возненавидеть себя! Чтобы иметь возможность смотреть в глаза ему, его девушке и собственному отражению в зеркале!

А Ярослав не слышал, не понимал. Даже пьяным до беспамятства прикасался с сердцедробительной смесью нежности и страсти, умело перемешивая в этом сорокоградусном кошмаре боль и наслаждение.

— Тебе понравится, обещаю... — прохрипел, накрыв и сжав холмик груди. Зубами зацепил сосок другой, заставив выгнуться и вскрикнуть от остроты нарастающего помеша-

тельствва.

— ... ммм... — обоюдный стон изо рта в рот, когда, толкнувшись пахом, прижал за ягодицы к себе.

Кончиками пальцев скользнул под бикини, огладив гусиную кожу.

Ну что ты за человек такой, Громов?!

Больно, это было больно, черт возьми! Почему все это должно было так действовать на меня?! Бороться приходилось не только с ним, но и с собой.

— Ты пьяный, понимаешь?! — с остервенелой силой ударила эту бесчувственную машину в грудь, пытаясь достучаться до остатков его рассудка.

И Ярослав вдруг поддался. Медленно выпрямился, пронзая взглядом. Смотрел, тяжело дыша. Грудная клетка ходила ходуном...

— Хочешь, я тебя поцелую по-настоящему? Между ножек?

Растаяла. Замкнуло и кортнуло, дар речи потеряла.

А он, шатаясь, рухнул на колени.

Цепкие пальцы на моих бедрах... прижимаясь лбом к низу живота, слишком близко к тому месту, где тонкая ткань купальника стала предательски влажной от собственной реакции на него. Даже на такого угашенного придурочного идиота...

— Так пахнешь, — втянул воздух, широко открытым ртом касаясь ткани там. — Почему ты так пахнешь, солн-

це?... Почему ты, принцесса?..

А почему ТЫ?!

— Ярослав-а-ав... - заревела, захлебываясь слезами, когда большие пальцы скользнули под завязки, огладив тазовые косточки.

Слабачка!

— Ты... пожалеешь... — дрожащими пальцами путалась в коротких, волосах, не в силах ни оттолкнуть, ни притянуть. — Я закричу! Знаешь, что будет дальше?! Сюда прибегут... ТЫ знаешь, в чём тебя могут обвинить?! Понимаешь, что будет с тобой?! С твоей жизнью!!

Руки на моих бедрах замерли, потому что этот безумец, поднял свою дурную голову.

В душу смотрел.

И так широко, безумно и дьявольски красиво улыбался...

— Так это цена?

— Какая ещё цена?! — а у меня натурально истерика начиналась, нервы сдавали.

— Я разобью головы каждому, кто войдет. Всем.

Он говорил спокойно, будто обсуждал погоду. Смотрел из-под длинных ресниц, как чертов Дьявол смотрел на Еву в Эдеме!

— Попытка изнасилования, тяжкий вред здоровью... Думаешь, я не считал? Тянет на полжизни, да?

Подбородком уперся в моя живот, руками скользнул к заднице, сжимая, а у меня голова шла кругом и ужас скосы-

вал от его слов.

— Что ты несешь...

— Я согласен. Кричи.

А после зубы прикусили кромку ткани бикини, слегка оттягивая. Зажмурилась, готовясь к грубому рывку, набирая в легкие побольше воздуха...

Но его губы снова прильнули к ткани.

Не стаскивая.

Целуя меня сквозь неё, едва касаясь самого чувствительного места через ткань бикини. Нежно, почти благоговейно, пока теплые руки гладили бедра, прикасаясь как к святыне...

Пальцем чуть отодвинул белье...

— Дана... тебя ждёт... — выдавила последний, жалкий аргумент.

Спазмированно выдохнув, Ярослав внезапно отстранился. Уперся ладонью в стекло позади нас. А я, закрыв глаза, уперлась в стекло затылком.

Имя сработало. Секунды тягучей тишины и осознания, и вот он же должен был встать?

— Какого... — судя по хрипу, едва дышал.

Алкоголь. Жара хаммама. Дикий всплеск возбуждения и агрессии.

Как я раньше не подумала?! Его сердце... Да всё его состояние! Распахнув глаза, наткнулась на теряющего сознание парня.

Прислонившись спиной к ближайшей стене и согнув ноги

в коленях, он так и сидел на полу с закрытыми глазами, рвано дыша.

— Нет-нет-нет! — подскочила, опустилась на корточки, схватила за холодеющие мокры щеки. — Тебе надо на воздух. Срочно! Слышишь?!

— ...ебнулся, когда тебя в том чёрном... платье увидел... а потом браслет этот... цветы. Нереальная... — а этот дурак нёс какую-то околесицу!

С трудом вспоминала обрывки знаний — нельзя тащить его на холод, перепады температур добьют. Сама подскочила, распахнула дверь, ведущую к уличному бассейну. Пар клубами повалил наружу, а к нам хлынул свежий отрезвляющий воздух.

Теперь не отключится, а мне надо было позвать помощь.

— Не уходи, а — срывающимся хрипом в спину.

Пять минут! Потому что выглядел он как человек, способный отключиться в любой момент. Не хватало еще, чтобы голову разбил о камни.

— Ну, вот чего тебе не хватает? — осторожно садясь на пол рядом. Вытерла щеки, мокрые от слез и пота.

— Тебя, — так тихо, будто и не говорил. — Два года...

Сердце замерло.

Он был пьян.

Но что, если... Что у трезвого на уме, да? После всего я имела право воспользоваться моментом и спросить.

Сглотнув, я подползла ближе

— Два года? Правда?

— Ага, — свесив руки с колен, так и сидел с закрытыми глазами. — Просто мысль влетела... Пфф. Как это — трахнута папину дочку?

... не реветь, не реветь!

Но он никогда не разговаривал так грубо *со мной!*

Трахнута папину дочку... И все, значит?

— Только... трахнуть? — с замиранием сердца.

Глава 12

Ярослав

В башке обезьяна с тарелками, во рту мышцы сдохли. Веки опухшие, будто изнутри свинцом залили.

С трудом перевернувшись на бок, накрылся одеялом с головой, пытаюсь спрятаться от ебучего солнца. Только минут через пять сообразил.

Одеяло и кровать... Такое себе начало.

Проспиртованные извилины соображали туго, но чуйка напряглась в ожидании воспоминаний в стиле «кто я, где я и как тут оказался»? И, самое главное, что успел нахеровертить?

И нифига. Чёрная дыра, обрывки, туман.

Вот тут стоило бы напрячься по-настоящему. Потому что последний раз, когда напивался до беспамятства, был хренову тучу лет назад.

Мне было семнадцать, мы глушили палёную дрянь на вписке, и дурная кровь привела прямиком в КПЗ. Я ограбил какого-то мужика. На спор с отморозками, которые доставали нам эту алкашку.

Думал, крутой, да только думал тем местом, на котором нормальные люди сидят.

Ба, узнав, загремела в больничку с давлением, а я клялся, бухать — да больше никогда. Если и пил после, то редко, и

всегда знал, когда остановиться. Не считая вчерашнего вечера, по ходу.

Прикинуть, че я мог выкинуть, находясь в состоянии невменяемого дегенерата, было страшно. Реально страшно. Знал же, на что способен.

Особенно когда Она была в шаговой доступности...
Дерьмо.

Ледяной пот прошиб от последней мысли.

Откинув одеяло, заставил глаза сфокусироваться. Белое постельное, пахнет цветочным ларьком, на одной из прикроватных тумбочек десять банок с кремами. Я в своем шале, раздетый, но один.

Ебать, спасибо!

Отличное начало, аж отпустило. Хотелось верить, что из злополучного бара пришел прямиком сюда и вырубился, но что-то подсказывало, что вот сука не все так просто. Не у меня.

Снова закрыв глаза, попытался восстановить хронологию адских суток.

Кухня, Адель, ее слова, ощущение гребаной тотальной ошибки, Макс, ревность, перелет, снова голубые глаза и долбанный Макс, таскающий ее чемоданы, ревность-ревность-ревность-бар.

И вот тут картинки теряют четкость. Бар же, сука, бар!

Снова Она... Мельком, за столом, снова рядом с Разумовским... Никогда не думал, что окажусь на грани из-за ревно-

сти... Из-за долбанной ревности! Чуть не оттащил доморощенного Дон Жуана от девчонки, но вовремя себя стопорнул.

А дальше принцесса быстро исчезает из воспоминаний. Бар... И нас двое.

Я, развалившийся на диване и заливающийся вискарем как не в себя. Не слушающий ничего из того, что несет Макс, выпроводивший мою недодевушку. Парень года. Даже не спросил, куда Данка направилась...

Пялился в потолок.

А состояние — как два года назад...

Трубка торчала из руки, но меня больше не обкалывали обезболом. Смог четко рассмотреть силуэт того, кто захаживал в палату не в первый раз. Мужик за сорок в костюме.

—А ты живучий, парень.

Какого...

—Я бы тебя даже нанял, если бы не одна деталь, — по-хозяйски уселся на стул, растягнув пиджак.

Помню, что обратил внимание на татухи на фалангах. Морды волков и анафас, и в профиль, и рычащие. Видел их...

—Арсений. Волконский.

Я видел этого мужика в местах, в которые такие, как он, не совались. Батя у принцессы, значит, прилюбливал по сидеть с компанией сорокалетних байкеров в одном из баров за городом?

А сейчас пялился на меня, как на кусок говна. Сраный ли-

цемер.

Вырывая из воспоминай угашенный в хлам Макс сунул в лицо мобильник.

— Ты посмотри какая... arrrr! — веселился, разглядывая фотки очередной фанатки, видимо.

Слабо оттолкнул руку, не желая фокусироваться на настоящем. Хотя разницы не было. Что в прошлом, что в настоящем — дерьмо дерьмом.

— Како-о-о-й верный! — Макс, не обидевшись, пнул под ребра. — Че, мимо свой Даны ни одним глазком, а?..

Верный! Куда орать-то?

Еще глоток пойла.

Снова воспоминания, снова палата вместо бара и долбаный конец света на повестке.

— *Пришли сказать, что б яйца не подкатывал?*

И где ты, сука, был, когда к ней полезли, а?! Она не хотела ни этого ебучего ресторана, ни празднования, ни видеть нафосные рожи! Но ты же умнее! Ты ж, бл, не спрашивал, да?

— *Выбирай выражения, — даже бровью не повел. А у меня подгорало.*

— *А то что, папаша? Добьешь?*

Минутная пауза и убил.

— *Адель моя дочь, — медленно и доходчиво.*

Моя.

Впервые кто-то назвал ее «своей» при мне, так, бл, будто

имел на нее все права.

—... восстановят... реабилитация в их санатории...

Сдетонировало. Кровавым маревом заволокло. Грудь ходуном, зубы в крошево...

—... компенсация за выпавший из жизни год. Я благодарен, Ярослав, но больше ты ее не увидишь, — встав со стула, направился к двери.

Вот так легко бросил подачки, отбирая единственное хорошее, что я вообще видел в ебучей жизни.

Единственное, что само долбанным чудом пришло в руки.

Единственное, ради чего стал просыпаться и не думать, что каждый день может быть последним.

Хера с два я ее отдам. Выйду отсюда — первым же делом заберу, папаша.

— Хочешь правду? — сквозь стиснутые зубы.

С трудом садясь и задыхаясь.

В спину у выхода.

— Твоя принцесса сама попросила поцеловать. Сама искала поводы для встреч, придумывала отмазки для охранника и готова была запрыгнуть на м... — он оказался рядом быстрее, чем успел моргнуть.

Пальцы сдавили челюсть.

Видел глаза в упор.

Такой же, как я. Только в костюме и с деньгами. Два готовых прикончить друг друга отморозка...

— Засунь свою благотворительность себе в зад, — не раз-

мыкая зубов.

Фак.

Я нажрался-таки с белобрысым клоуном и устроил себе мазохистский киносеанс с папашей Адель в главной роли, но выглядело все весьма невинно. Тогда какого хера внутри такая мясорубка?

Растер лицо руками до жжения, затылком вжался в изголовье, сдавливая виски.

Надо вспомнить дальше. Быть уверенным, что не занесло, что не добрался до нее, что не... Не... Какого хрена так отшибло?! От вискаря?! Чисто от вискаря?!

Бармен, Макс, телефон... Полоса шотов на столе... Вот оно.

«Убойная вещь. В меню нет, мой эксперимент».

СУУУКА! Эксперементатор херов!

Макс... Его телефон... Он в него утыкается, залипает, что-то бормочет, показывает... Глаза горят пьяным восторгом.

А после окончательный полный блэкаут. Убойная вещь сработала на ура, оставив в башке на память обрывки ярких ощущений, слишком реальных...

Лютая жара... пот, соль, вода, темно... Мягкая бархатная кожа под пальцами... губами... Сладкая. И везде, в каждом вдохе, этот запах — вишни...

Стояк вернулся мгновенно от одних невнятных образов.

Она-она-она-она.

Гремучая смесь. Реальные воспоминания перемешались с личными отборными порно-фантазиями с моей принцессой в главной роли. Всегда с ней.

Всегда она.

Оттраханная до потери пульса, дрожащая, потная, распятая на моем члене или трахающая меня, откинув назад свою хорошенькую головку... Сидящая на коленях и полностью управляющая процессом нашего общего помешательства...

— Бля...

Мышцы живота свело крутой судорогой, член уперся в боксеры, в темноте под веками закрутилось дешёвое порно с потерявшей стыд принцессой.

— Слав? Уже проснулся?

Пружины жалобно взвизгнули, а я не сразу смог сфокусироваться не на той девушке... Увы, не на той.

— С добрым утром, — сверкая глазами, промурлыкала Дана, и ее рука накрыла вздыбленный член под боксерами, сжимая. — Помочь?

Для тех, кто хочет узнавать новости раньше, наслаждаться артами, видео и закулисными диалогами, мой ТГ "твой автор, Лисса Джонс"

И, пожалуйста, не бойтесь оставлять комментарии, делиться переживаниями, добавлять книгу в библиотеку и просто писать автору!##

Глава 13

Ярослав

По-кошачьи выгнув спинку, Дана нависла сверху, вовсю хозяйничая у меня в трусах. Умело работала ручкой, скользая по длине, томно глядя из-под ресниц и многозначительно облизываясь, а у меня безбожно падал.

Смотрел на приоткрытые губы, на просвечивающиеся сквозь сетку сиськи, на готовую поработать ртом, сделать хорошо девчонку и не торкало, не искрило... Член у нас резко стал избирательным.

Принцесса моя вернулась. За сутки посадила на короткую цепь.

Её подавай. На завтрак, обед и ужин.

Ну че ты со мной сделала, зараза мелкая?

— Не надо, — перехватил запястье, тормозя неудачную пародию на секс.

Дана убрала руку и отодвинулась, никак не прокомментировав происходящее. А я, не в состоянии смотреть на нее, сел на край, спиной к девчонке, разминая затекшую шею. Сука, че так горит? Будто кошки расцарапали.

— Что-то не то? — Дана подползла сбоку, положив ладонь на спину.

Да все не то. В тебе все не то. Глаза не те, руки не те, голос не тот. Ты даже пахнешь не так!

Но ты невиновата. Просто у меня давно уже сдвиг по фазе.
— От меня перегаром несёт, как от бомжа.

— И все? — хихикнула, потерлась носом о руку. — Ночью тебя это не смущало.

Так вот оно что? Набухался и воспользовался ближайшей доступной. Чтобы удовлетворить больные фантазии.

Браво!

— Слав? Ты чего не в духе? — обеспокоенно. Прямо соль и уксус на рану!

Мудак. Козёл. Урод. Конченный урод.

Молча встав, собрался в душ, и только вытаскивая из комода чистые шмотки, заметил царапины на предплечье. Неглубокие, красные, свежие. словно подрался с кустом бабкиных роз в палисаднике.

Или кто-то отбивался. Очень старательно.

Рука так и зависла над ящиком.

— Я... — голос сел. — Я хоть больно тебе не сделал?

— Больно? — растерянно, но после опустила глаза, играя краем простыни. — А, ну да... То есть нет! Ты вернулся ночью, пьяный, но... ты был таким нежным... Потом правда разошелся... — с такой надеждой посмотрела. Аж светилась! — Ты называл меня принцессой. Совсем-совсем ничего не помнишь?

Ледяная кувалда ударила под дых.

Это было мое. Только мое. Последнее святое своими же руками в дерьмо окунул.

И только сейчас заметил. Дана нарядилась. Черная полупрозрачная комбинация, полный боевой раскрас и никакого белья. Ждала продолжения, видимо.

Заканчивать пора было этот цирк. Да давно пора, как только увидел ее вещи в своем шкафу. Это же суррогат, чистый суррогат. Долбанная соя.

А я так не могу.

— Прости.

— За что? — нервно улыбнувшись, Дана тоже поднялась на ноги. — Мне все понравилось, было же...

Ну харэ. Всё ты просекла, не прикидывайся.

— Ты хорошая девчонка. И цепкая. Не пропадешь.

— Что? — судя по растерянному голосу, Дана решила играть роль до последнего, но у меня не было желания устраивать сцены или быть козлом. — И как это понимать?

— Я сниму себе номер. Если хочешь остаться здесь, отдохай, все оплачено. Хочешь, куплю билет до Питера, — попытка остановить истерику и закончить миром терпела крах на глазах.

— Ты меня бросаешь?! 29 декабря?!

Смотрел на красивую, нарядную, готовую подарить разрядку девушку и понять не мог, слепой либо был все это время?

— Никто никого не бросает. Мы просто больше не будем трахаться.

— Ты мудака, Громов! — в меня полетели подушки. —

Козёл! Так нельзя! Не после того, что было ночью!

Как раз после того, что было ночью, и нужно.

Увернувшись от очередной подушки, молча ушел в душ, ощущая себя если не последним дерьмом в канализационной системе вселенной, то предпоследним. Радовало одно – этой ночью я хотя бы не дошел то Нее.

Тугие струи кипятка ударили по спине. Стекло душевой кабины покрылось испариной. Воздух накалялся быстрее, чем я соображал, а в башке снова на репите моя-не моя.

Жара. Пар. Дышать нечем. Снова. Голубые глаза и раскрытые губы без капли помады. Чувствовал ее вкус... Мерешилось, что прямо сейчас чувствовал, и снова здрасте, стоял колом до боли.

Яросла-а-ав...

Нежно, мягко, будто, блять, готова, и столько подчинения... Задохнусь, солнце. Пиздец как нужна.

Представил, как пальчики впиваются в волосы, в плечи или шею, царапая. Как её ноги обвивают мои бёдра, вся подаётся навстречу, беззвучно открывая ротик и принимая. Всего. Полностью.

Скрутила в бараний рог... Ну, как хочешь? Сверху, снизу, быстро, медленно? Аккуратно, да?

Только скажи...

Сжал себя, работая рукой.

Ну облажался, прости!

Шея пиздецки горела, а я, как спермотоксикозный трина-

дцатилетка дрочил в душе, представляя, как она царапается, когда я медленно впервые беру её. Нежно, сс...

Обещаю, больше никого. Ни одноразовых, ни постоянных.

Пожалуйста...

— Вот так, — захлебываясь, подыхая, растворяясь, сучая как собака. — Постони ещё... На бенефис, солнце.

Финишировав с хриплым рыком, прижался затылком к мокрой стене, едва контролируя желание завывать от какой-то совсем уж накрывшей ядерной тоски.

А под веками веками безостановочно Адель... кончающая, сжимающаяся вокруг моих пальцев, соблазняющая попробовать её на вкус.

Может, ну его нахрен все? У обоих же крышу сносит... Надо поговорить. Сегодня же.

— Даю тебе еще один шанс, дурачок, — чужие руки легли на живот, заставляя очнуться. — Не обязательно бежать от своих чувств.

В чем мать родила моя уже бывшая залезла в душ. Да вашу же... Видит Бог, хотел по-хорошему.

— Самой не противно стелиться? — раздраженно выдохнув, дернул кран, выключая воду. Вышел из кабины, заматываясь на ходу в полотенце.

— Не противно хотеть подстилку? — в зеркале над раковиной ее отражение игриво вскинуло бровь, а руки заскользили по бедрам. — Может, что-то новенькое попробуем?

И демонстративно развернулась к зеркалу пятой точкой. По её мнению, это должно было сводить с ума?

Дура. Непробиваемая дура.

Раздраженный взгляд упал на задницу, и только хотел отпустить едкий комментарий, чтоб уж точно обиделась и сва-
лила, как... Вспышка.

—*Да в эту задницу только засаживать! Я кажется то-
же ... того... влюбился!*

Макс еще раз сунул мне в лицо экран.

Воздух из лёгких вышибло махом.

*Ночь, подсветка бассейна, и она. В купальнике из голубых
ничего не скрывающих кусков ткани и веревок.*

*Я ее профиль наизусть знал, но таких фото никогда не
было.*

—*Все, решено! Моя жена будущая! Глазеть нельзя!*

Сукааа.

—*Мааааакс... закройся, а...*

—*Ну а что-о... чем я хуже вас всех? По-любому нетро-
нутая! Врач!*

—*Педиатр, — тихо вставил, чувствуя, как все. Слетают
предохранители.*

—*Таких разбирают... Не я так еще кто-то... Все, я в
СПА. Сделаю массаж, — шатаясь и ухмыляясь, реально
встал. На свою голову...*

Кровь.

Глухой хруст.

Он чет кричит. А у меня последняя здравая мысль затухает: узнать, кто фотку сделал.

... нашел? Фотографа-то нашел? Или че, сразу модель выпил?!

— Слав?

— Спали, говоришь? — повернувшись, в упор посмотрел.

— Д-да...

— В глаза смотри. — Шаг вперёд, Данка затряслась, но глаза подняла. — Один раз спрошу. Трахались мы ночью или нет?

И сука реветь. В крокодиловы слезы. Да что ты...

— Мы н... не... мы занимались любовью, урод тыыы... все было... — ясно. У неё хер че выяснишь. — Куда ты?! Слав?!

— На завтрак. Голодный как собака.

Надо было срочно увидеть принцессу. Не дай, бл, Бог хоть пальцем тронул...

Девочки, кто поддерживал эту и другие историю в комментах (Оля, Джессика, id12265159) – я сделаю вам промокоды, скажу, где и как меня найти для их получения!

Глава 14

Ярослав

Собрав в кучу остатки мозгов, Дана разумно решила не ходить со мной. Уж не знаю, дошло ли до нее мое «закончили» или это был новый план по «удержанию наших отношений», но волновало мало.

В мыслях-то одна принцесса.

По пути от домиков к ресторану думал о том, что мы не могли... Я не мог.

Я был в дрова. Адель бы не стала, даже если б на коленях стоял.

Только спрашивал ли ее кто-то?

Да ну нахер. Я бы не опустился до такого, даже если собственное имя забыл бы.

Но Максу врезал же! Так что мешало зажать девчонку и спустить пар?

Сам себя придушу. Честно. Если окажется, что реально... что хоть пальцем...

Ресторан замаячил на горизонте очень вовремя. Чуть не тронулся, пока двери медленно прокручивались, пропуская внутрь. Музыка, официанты, вежливое «могу я забрать вашу одежду?» и «спасибо, проходите за любой свободный стол» – все мимо ушей.

Просканировав взглядом зал, сразу нашёл нашу весёлую

компашку. Воронов и его улыбающаяся будущая женушка, флегматичный Юсупов с телефоном, болтающая Абрамова в профиль.

А рядом с Саней... Зубы заскрипели.

Тоненькая спинка, обтянутая голубой водолазкой. Рассыпавшиеся золотые волны волос, которые хотелось намотать на кулак, притянуть, вдохнуть, зарыться лицом и задохнуться. Дайте мне её. Внутривенно.

Больной, бл.

Какое-то время тупо стоял на проходе и пялился, пока люди не стали оборачиваться, а хостес настойчиво предлагать помощь.

Медицинскую б предложили! У них как раз вон и нужный медик имеется!

Ладно.

Вперёд.

А руки-то тряслись. Внутри все перекосилось в ледяной ком.

Я воровал продукты в пятнадцать, чтобы бабуля с Сашкой не голодали. Угонял тачки в семнадцать, чтобы почувствовать себя хоть кем-то. Пару раз грабил – по глупости, по пьяни, за компанию с отморозками. Пару раз шугал должников по заказу, потому что денег не было, а сопливый студент без опыта никому не был нужен.

Я никогда не был тем, о ком мечтают предки нормальных девчонок. Я был грязью под ногами, дерьмовым пацаненком,

которого даже собственная мать бросила. Я это знал и принимал.

Но я никогда не поднимал руку на женщин. Не принуждал. Это был пунктик. Мой собственный кривой моральный компас.

И сейчас он сходил с ума, показывая куда-то в черноту.

Пожалуйста. Не дай мне облажаться именно в этом.

Только не с Ней.

Адель

Они словно сошли со страниц наивных романов, которые я запоем читала в старшей школе. Живые иллюстрации к слову «счастье».

Рядом с безостановочно болтающей Сашей сидел спокойный, как скала, Дима. Флегматично допивал кофе, его рука лежала на спинке её стула — не собственнически, а так... по-домашнему. Как будто это продолжение его самого.

Фил хохотал над Сашиними шутками, но всё его существо бессознательно тянулось к Авроре. Копировал её движения, не глядя касался руки, поправлял прядь волос, будто проверяя, на месте ли она. Смотрел на неё так, словно в ресторане, залитом утренним солнцем, не было больше ни одной девушки. Только она.

Я давно не следила за разговором о лыжах, молча наблюдая за чужой любовью в очередной раз.

Читала о ней.

Смотрела кино.

Снимала на камеру.

Всегда была наблюдателем. Вечным романтиком, влюблённым в саму идею любви. Наверное, это от мамы — верить в красивые сказки, даже когда реальность показала неприглядные зубы.

— Ади? — Саша пощелкала пальцами перед моим лицом.

— Ты с нами?

Вот блин.

— А... да. Прости. Я просто немного не выпалась.

— Мы тут решаем, не отправить ли нам мужскую часть компании куда подальше. Устроим девчачий вечер в СПА? Ты же вчера ходила? Как тебе? Поспишь там на массаже, а? Саша-Саша...

На СПА у меня теперь пожизненная аллергия.

Всю ночь в слезах и ненависти к себе провела.

Уничтожил. Бульдозером проехался по девчонке, хранившей в сердце образ хулигана с золотыми искрами во взгляде.

Не тогда, когда прижимал к стеклу. Не тогда, когда боль от стиснувших бедра пальцев смешалась с острым удовольствием. Нет. Даже не когда целовал, как потерявший рассудок влюбленный мужчина.

А когда сидел на каменном полу, едва ли осознающий реальность.

— Ага... Просто мысль влетела... Как это — трахнуть папину дочку?

Папина дочка.

Трахнуть.

Услышала внутри себя звон. Будто разбилось на осколки последнее светлое. Но я тот еще романтик. Или слишком сильно верю в хорошее и в людей.

— Только трахнуть? Ничего... больше?

А он засмеялся.

Коротко, хрипло.

Больнее всех его прикосновений — смех.

— Повтори, — все еще улыбаясь попросил, пока внутри меня гибла вселенная.

— Что?..

— Тра-а-а-хнуть... скажи еще раз, — пьяно глядя в глаза, потянулся к лицу, но я отшатнулась. — Ты никогда... не... не говорила вслух... Только мне, да? Я знаю, что да...

Он совсем не был удивлен.

Словно всегда знал.

Тогда, в шестнадцать. Видел мою влюблённость, восторженный взгляд, жалкие, детские попытки быть рядом. А в ответ — забавляясь над глупой малолеткой — приводил на мои же «съёмки» девиц. Называл принцессой, а сам думал... именно это.

Смотрите, очередная дура в моей кровати!

А ведь все так и закончилось бы!

— Ади? — голос Саши прозвучал ближе. Она наклонилась ко мне через стол, хмураясь. — Всё хорошо? Не заболела?

Я оставила его там. В хаммаме. На бегу бросила администратору, что человеку плохо, и убежала.

Глубоко вдохнув запах кофе и свежей выпечки, пыталась собрать себя по осколкам. В конце концов я здесь, с ребятами, делаю вид, что все хорошо, а не реву под одеялом. Я справлюсь.

Таких как он — миллионы.

Для каждого в мире есть свой человек, нужно только его найти.

Под столом сжала руки в кулаки, чтобы они не дрожали. Спинай чувствовала неладное.

Тяжелую мрачную энергетику, заряженную статикой. Ту, что несколько часов назад заполняла собой пространство хаммама, вытесняя воздух.

— СПА у них не очень. Не советую, — на выдохе, кожей ощущая его приближение. Ну, не будет же он при всех...

— А что не понравилось? — раздалось за спиной.

— Какие люди! — Фил спас от вопроса, глядя мне за спину и ухмыляясь. — Горячая ночка, друг? Проспал весь завтрак!

Рядом отодвинули стул. Скрипнуло дерево.

— Свободно? — чувствовала на себе его взгляд. Жёг кожу на щеке, будто касался раскалённым металлом.

Саша что-то говорила Авроре. Дима допивал кофе. Солнце слепило в окна, музыка лилась волной, а наша компания продолжала быть картинкой из романтического кино. Ниче-

го не изменилось.

— Да-а, Макса тоже нет, но я бы удивился, если б он был,
— Фил продолжал болтать, а я проваливалась в темноту хам-
мама. — Звезда раньше обеда не просыпается...

Ничего не слышала.

— *Привет.*

Дышать не могла.

— *Эй, солнце. Посмотри на меня.*

Садист.

Натурально задыхалась. От дикой боли внутри. От просачивающегося в легкие ядовитого запаха табака.

— А где Дана? — Дима, кажется, впервые оживился. Бок-
ковым зерним видела, как странно посмотрел на того, кто
сел рядом со мной.

Дана.

Не могла... Буркнув что-то про десерты, сбежала из-за
стола...

Возьми себя в руки. Не смей. Не при нем!

— Адель?

Спина напряглась до боли.

— Можем поговорить?

*Для тех, кто хочет узнавать новости раньше, насла-
ждаться артами, видео и закулисными диалогами, мой ТГ
"твой автор, Лисса Джонс"*

И, пожалуйста, не бойтесь оставлять комментарии, де-

*литься переживаниями, добавлять книгу в библиотеку и
просто писать автору!##*

Глава 15

Адель

— Говори.

— Прости.

Себя бы, дурочку, простить! За то, что позволила, подда-
лась, не оттолкнула, не убежала...

Ведь несмотря ни на что это я стояла там, в его объяти-
ях! Я сходила с ума, таяла, наслаждалась! Даже в такой из-
вращённой ласке находила отзвук того, чего у нас не было
никогда!

А после ночью в душе... Яростно стирала воспоминания
мочалкой и скрабом, да только Ярослав въелся в кожу так,
что ни один душ не поможет.

Отпечатки по всему телу оставил.

— Хорошо, — прошептала ряду крошечных шоколадных
пирожных и чизкейков, обняв себя под грудью.

Уйди! Ну, сколько слез из-за тебя выплакано...

— Пожалуйста, повернись ко мне.

Хриплый и сломанный. В нём не было прежней уверен-
ности. Только мольба. И все... Просто ВСЕ!

Что ты еще хочешь?! Все получил!

Первый поцелуй, первое свидание — потому что ДА, в
тот самый первый раз это была не съёмка, это было НАСТО-
ЯЩЕЕ свидание! Вдвоём, в заброшенном особняке!

Первую любовь и первый... первый раз! Который должен был быть нежным, а стал кошмаром в хаммаме! Почти добрался же!

Мало тебе?!

НЕ ДОВЕЛ ДО КОНЦА?!

— Ну что ещё?! — Волосы хлестнули по щеке, глаза обожгло! И вот они, солёные и горячие. Злы-ы-е!

— Чёрт... — заметила, как кадык на татуированной шее дрогнул. — Мне жаль... Я... — Взгляд бегал по моему лицу, изучая. — Поужинаем вдвоём?

— Поужинаем?! — рассмеялась, сжав кулачки. — Чтобы что? Чтобы ты еще раз сказал, как тебе жаль? Как ты «не хотел»?! Или наоборот? Закрыть гештальт и с легкой душой в прекрасное далеко?!

— Адель...

— О чём тебе жаль?! — и плевать на людей вокруг, плевать на все! Толкну со всей силы в широкую грудь! — Что, спокойно жить не можешь?! Не хватает экземпляра «папина дочка»?! Галочку надо поставить?! **ТРАХНУТЬ И ЗАБЫТЬ?!**

— Так мы не... То есть...

ОН ДАЖЕ НЕ ПОМНИЛ! Слезы жгли щёки, как кислота! Не вытирала их. Пусть видит! Пусть увидит хоть раз последствия своих игр!

— Можешь забыть, можешь и дальше трахаться со своей безупречной, правильной девушкой! Прыгать по койкам,

жить своей счастливой жизнью! Делай что хочешь! Только
ОТСТАНЬ ОТ МЕНЯ!

— Нет, стой! Адель! — схватил пятерней за локоть на ходу, не дав и шагу сделать.

— Хватит! — резко дёрнулась, выворачивая руку с такой болью, что в глазах потемнело. — Хватит надо мной издеваться! **ЧТО Я ТЕБЕ СДЕЛАЛА?!**

Он отпустил тут же. Как будто обжёгся. Словно он — тот, кому больно. А я — я! — та, кто причиняет боль!

И снова взгляд — потерявшего всё человека. Но больше я на это не поведусь. Я выпрямилась. Вдохнула воздух, пахнувший кофе и сладостями.

— Не подходи ко мне больше. — Глаза в глаза. — Слышишь? Если не хочешь заработать проблем, Громов. Не приближайся.

Хотелось рычать от злости. Или побить кого-нибудь.

«А если хочу?»

Проблем он хочет!

Идиот несчастный! Енот-потаскун! Законченный, эгоистичный, напрочь лишенный эмпатии...

— Уходите! — стук в дверь чуть не заставил запустить томик порно-романа с горячим мафиози в эту самую дверь.

— Доставка для Адель Волконской! — прокричал за дверь жизнерадостный курьер.

Золотом он им заплатил что ли? Такие настойчивые, не

уходят же!

После того, что случилось на завтраке, я заперлась в своем шале, проревелась, и, выключив телефон, села за не слишком приличное чтиво.

С трудом погрузившись в мир мафии, не сразу поняла, кто-то настойчиво стучал. Решила, что Саша. Пока крутилась у двери, придумывая отмазки от СПА, стук прекратился.

Высунула нос на улицу. И застыла.

Корзина белоснежных цветов стояла на пороге.

Неподъёмная, огромная, самая прекрасная цветочная корзина, что я видела. Не знала названий... Знала только, что они совершенные.

Невинные. Нежные. Дрожали под легким снегом.

Букет абсолютно не ассоциировался с придурком, способным разбить кому-то голову, а кому-то — сердце. Скорее уж с умеющим подбирать ключики к сердцам девчонок Максом...

Но ни записки, ни открытки, ни хоть какого-то намека на отправителя не нашла. Решила подождать. Букет был слишком личным, чтобы оставаться анонимным.

Отправитель не заставил себя ждать.

Постучали минут через тридцать, и я сразу же побежала открывать, мысленно благодаря того, кто помог хоть немного отвлечься от воспоминаний наглых рук и губ... Лживых прикосновений.

Только вот это оказался совсем не улыбочивый Макс. Второй букет все расставил по местам.

Еще одна белая корзина, разбавленная почти черными пионами. И эвкалиптом. Много эвкалипта, ударившего в грудь... Вернувшего в хаммам.

Записки не потребовалось.

Как же я зла была! Ходила еще вокруг, нюхала! Надо было за дверью оставить!

Отправила курьера туда, откуда он его принес. Но не прошло и двадцати минут, как снова постучали.

— Отправьте тому, кто их заказал! — крикнула, высунувшись из-под одеяла.

— Простите, это невозможно! Оплачено, инструкции строгие!

Инструкции, значит? Ни стыда, ни совести! Что, так приспичило?! Девушка-то не против?! Или он там на два фронта посылочки отправляет!

— Передайте этим инструкциям, чтобы шли куда подальше!

— С удовольствием!

— Что?!

— Вам просили передать в ответ: с удовольствием!

Козел! Придурок! Невозможный извращенный придурок! Сейчас я тебе устрою «инструкции»!

Захлопнув книгу, подскочила, распахнула дверь, встречаясь с довольным пареньком.

— Давайте-ка сюда этот веник, — рявкнула, забирая черную коробку. С наслаждением разорвала упаковку и обомлела.

Красные розы. Идеальные, бархатные, с острыми шипами. Способные поцарапать...

— Где тут цветочный магазин? — шипела. Не одеваюсь толком, стремительно вылетела на мороз, едва дослушав объяснения парня.

Страсти захотелось, да? Я тебе устрою страсть по всем фронтам!

— Какого черта ты не понял?! — звякнул колокольчик над дверью.

Громов собственной персоны среди цветочного великолепия один-единешенек стоял с баллончиком в руках и пялился на что-то между вазами!

Как в старые-добрые! Художник недоделанный!

— Ты сказала не подходить, — самодовольная ухмылка расцвела на чувственных губах, когда лениво обернулся в мою сторону.

— И?! ЧТО ИМЕННО ТЫ НЕ ПОНЯЛ?

Затрясло...

От холода, от обид... От разочарований и ненависти... такой лютотой ненависти!

— Солнце, положи-ка... — отступая к столу, не переставая лыбиться! Весело ему!

А у меня перед глазами — Маша, Вика, Катя...

Болезненными вспышками.

И два года тишины!

И Дана. Знакомься, Ади! Его девушка! Его, блин, девушка!

— Ладно, хорошо, я понял... Только сама не поцарапайся.

Разрешил! Он мне разрешил! МНЕ!

— Вали к своей девушке!

Закрывался руками от хлестких ударов...

— Мы расстались.

Кружили вокруг стола...

— Замечательно! Вокруг же столько вариантов! Маши, Лены, Светы! Кого еще не хватает?!

До первой крови и царапин...

— Не догадываешься?

Ещё и ещё... до укрывших пол лепестков...

— Очень смешно, просто обхохочешься!

— Солнце, я не против продолжить, но может...

И до первого звона.

— Адель!

Всё произошло за секунду.

Острые шипы впились в ладонь, я поскользнулась, падая среди высоких ваз.

Он оказался рядом быстрее, чем успела сообразить. Легко поднял с пола и посадил на край стола. Слишком близко встал напротив, мягко развернув ладонь к свету.

Его руки. В красных отметинах, уродующих черные рисунки. Полосы от шипов, царапины, кое-где кровь. И ему,

кажется, было всё равно.

Одномоментно все внутри заиндевело. Тело обмякло, обессилев. Только на ладони пылала неглубокая царапина.

— Подуть? — в его голосе не было ни ухмылки, ни прежней наглости. — Или поцеловать, чтобы прошло?

Слабо толкнула его в грудь. Ярослав отступил на шаг, не сопротивляясь.

Обняв себя за плечи, потерянно добрела до домика. И на пороге встретила того, кого меньше всего ждала встретить сейчас.

Глава 16

Адель

— Как папа? — спросила я, пока Дима тащил сани по накатанной лыжне.

Он застал меня в разобранном состоянии, еще и без шапки и куртки на улице.

Раньше бы Дима, в традициях невозможно правильного старшего брата, скрестил бы руки, потребовал имя обидчика и обязательно заявил бы, что я снова сама нашла себе приключения на пятую точку.

Но после встречи с Сашей в этом роботе появилась трещинка. И сквозь неё проглядывал человек.

«Покатаемся? Как в детстве?» — всё, что сказал. Стоял у порога с санками, смиренно дожидаясь, пока его вечно влипающая в неприятности сестрёнка умоется и оденется.

Мы никогда не были родными. Но так сложилось... Мы потеряли наших мам примерно в одном возрасте. Оба выросли детьми вечно занятых отцов, которые заменяли любовь деньгами — не потому, что наши папы плохие. Просто иначе они не умели. Или не могли.

— Пока неплохо. Пишет мемуары. Говорит, они станут хрестоматией для всего нашего бизнеса.

— Конечно, станут, — улыбнулась, глядя в затылок. — Он же никогда не ошибается.

— Конечно, нет! Разве Феликс Юсупов способен на ошибку?

Мы засмеялись, Дима остановился, бросив верёвку от сани, плюхнулся рядом в снег.

С небольшой возвышенности открывался вид на величественные горы, утопающие в вечерней синеве. И на минуту стало тихо. Не внутри — внутри всё ещё бушевало и кровило. Но снаружи — тихо.

— Ты как?

— Все хор...

— Ты пропустила ужин. После перелёта не поехала кататься. Где Адель, которая бежала на склоны со сноубордом быстрее, чем двигался подъёмник?

Зачерпнула и сжала комок снега в варежке. Увы, снежка не вышло.

— За завтраком наш общий знакомый смотрел на тебя как человек, у которого не все дома. И я не говорю о том, что видел в ресторане и двадцать минут назад у тебя на пороге.

— Мало того, что ты сам доставучий, ты и Сашу этому научил, - посыпала снег ему на шапку, и наблюдала, как закатывает глаза, отряхиваясь. — Вы просто два Шерлока.

— А при чём тут Саша? — её имя всегда действовало на него забавно. Он мгновенно насторожился, будто я угрожала лично ему.

— Ты же у нас умник, — прошептала я, глядя на темнеющие склоны. — Сложи два плюс два.

Судя по хмурому лицу — сложил.

— Адель.

— Восемнадцать лет уже, — буркнула.

— Я же тебя еще в школе предупреждал.

— Ага. И, как всегда, не ошибся. А я, как всегда, дурочка...

Слёз уже не осталось. Да и сил тоже. Смотрела на блестящий снег в косых лучах заката, чувствуя, как внутри пусто и холодно.

Дима ничего не ответил. Крепко обнял, прижав к своему плечу. А закат зажигал над нами первые, одинокие звёзды.

Остаток дня прошёл на удивление спокойно.

Дима не сказал прямо, но я поняла, что это его рук дело — Ава и Саша исчезли в СПА, Макс и Фил укатили на склоны. Дана мелькала в ресторане в компании какого-то мужчины, а Ярослав... После цветочного он пропал.

Мы поужинали в маленьком уютном кафе на окраине базы, и, скрипя зубами, Дима пообещал не впадать в параноидальное состояние блюстителя чужой нравственности.

Не сказать, чтобы я поверила, но слабая надежда на его благоразумие теплилась.

Хватит с меня драк и жестокости.

Особенно не хотелось думать о жестокости между этими двумя.

В моем десятом классе Громов и Юсупов уже пытались

сцепиться из-за Саши. Тогда между ними было подростковое презрение. Гордыня против гордыни. Но их можно было остановить.

Сейчас они были двумя взрослыми мужчинами. Дима видел во мне сестру, которую нужно защитить. Ярослав... Уже и не знала, кого он видел. Но знала одно — если эти двое столкнутся, остановить их будет невозможно.

Отчаянно хотелось завершить этот бесконечный день без мыслей о Нем, о том, что произошло и о том, что Он говорил в цветочном...

Я пригласила к себе Сашу и Аврору, мы выключили свет, играли в «Правду или действия», чтобы лучше узнать друг друга, и мечтали о будущем. Но я видела, как Саша бросала беспокойные взгляды на телефон. Сидела на ковре, крутилась, а через пару минут после того, как Аве позвонили, вскочила на ноги.

— Совсем забыла! Дима просил... не засиживаться... — на ходу набрасывала пуховик. — Прости!

— Саш, — я поднялась следом, почувствовав первый укол тревоги. — А точно дело в Диме?

— Э-э... ну да... Не в тебе же! Я бы посидела ещё, правда. Но нам подарки упаковать надо и всё такое.

— А с... — без мыслей о Нем так и не вышло, и, покусав губу, тихо спросила. — Не знаешь, с Ярославом всё хорошо? Дима сказал, что Дану в ресторане видели...

— Конечно! Разбежались и всё! Невелика потеря! — Саша махнула рукой, но жест получился слишком резким и нервным.

Не нравилось мне её поведение.

— Ади... А вообще... нет. То есть... Пока!

Выскочила за дверь, захлопнув её с такой силой, что задрожали язычки пламени на свечах.

Вот и что это было?

И почему, ну почему снова за него волнуюсь?

— Саша сбежала, — растерянно объяснила, когда Аврора вернулась с террасы.

— Это нормально, — в ответ Ава успокаивающе улыбнулась. — У них вся жизнь по графику, и сон, наверное, тоже.

Они же подружки. Аве виднее! Все хорошо. Все в порядке.

— А ты можешь... Посидим еще? Хочешь, фильм посмотрим? — умоляюще, чувствуя, что с ума сойду, если одна останусь.

Сорвусь и напишу.

Просто чтобы знать, что с ним все в порядке.

— У меня есть идея получше. Музыкальный вечер! Только ты не переживай, ладно? И ничего не спрашивай! — и быстро кому-то набрала. — Отбой, я могу послушать сейчас, только приходи в пятнадцатый домик.

Спустя десять минут обсуждений порно-романов — да, она тоже их читала! — и целую коробку печенья с предсказа-

ниями на пороге моего шале материализовался Максим Разумовский. С гитарой в руках. И разбитой губой.

— А... — растерянно перевёл взгляд с меня на Аврору и нервно хохотнул. — Любовь моя, я не уверен, что готов к ЖМЖ.

— Ты справишься, — Аврора ободряюще улыбнулась, потянула его за рукав внутрь.

— Что происходит? — а вот я совсем перестала понимать. Аврора же с Филом. А тут Макс... И это его «любовь моя»...

— Макс написал новую песню, — с мягкой гордостью, будто хвасталась талантливым ребёнком. — Обычно я слушаю их до репетиций и помогаю... мм... подобрать музыку, нужный темп. Сделать стих песней.

— Ты тоже поёшь?

— Она не просто поёт! Сирена! Меня научила и всё бросила! Так-с, дамы, сорри. Надо настроиться.

Он выскочил на террасу, оставив дверь приоткрытой. Я вопросительно посмотрела на Аврору.

— А почему ты бросила?

— Я пела, сколько себя помню, — Аврора села на ковер, и тихо, глядя на мерцающие свечи, начала говорить. — Перед выпускным выиграла серьёзный конкурс, поступила на эстрадно-джазовое в Москву и проучилась год. Вокала было всё меньше. Больше съёмок, соцсетей, встреч с менеджерами, разговоров о позиционировании. Я будто перестала быть собой. Перестала чувствовать музыку.

Помолчала, а потом продолжила с легкой улыбкой.

— Макс создан для шоу-бизнеса. Фил — для спорта и ад- реналина. А я... — она пожала плечами. — Поняла, что со- всем не против пойти по стопам мамы. У неё семейное ша- то на юге. Небольшой отель и винодельня. Мне нравится... такой бизнес, в котором есть душа. Где успех — счастливые лица гостей за ужином. Я бы хотела сохранить это место.

— А песни?

— А песни никуда не денутся. Просто теперь я буду петь их для себя. И для тех, кто захочет услышать.

Перед сном я вспомнила, что сутки назад в слезах бросила браслет на пол. Не то, чтобы хотела снова его надеть, нет. Просто если уж выбрасывать — то как и собиралась. С горы и красиво.

Только вот обшарив ковер, браслет так и не нашла.

Как и на следующий день. Под светом солнца обследо- вала весь домик. До самого вечера ходила вокруг, по террасе, даже в СПА зашла, грешным делом.

Ни браслета.

Ни Ярослава.

По словам Саши, он уехал по делам в Краснодар.

И вот уже пора было собираться в клуб, где мы решили провести последнюю ночь этого года и встретить 31 декабря.

Смирившись и с потерей, и с желанием позвонить Ему, быстро шла в домик. Мысленно репетировала «Привет, как

ты?» и «Возможно, нам правда стоит поговорить», когда увидела их... Расставшихся сутки назад влюбленных.

ЧИТАТЬ БЕСПЛАТНО РОМАН ДИМЫ+САШИ "НОВЕНЬКАЯ" (ТАМ ЕЩЕ И ЗНАКОМСТВО ЯРИКА С АДИ)
<https://litnet.com/shrt/78nr>

А НАЧАТЬ ЦИКЛ РЕКОМЕНДУЮ С АВЫ И ФИЛА "ЛЮБОВЬ-НЕНАВИСТЬ КОРОЛЯ" <https://litnet.com/shrt/r9z3>

Глава 17

Адель

... Дорогой клуб, и все как в глянцевом журнале. Черный интерьер. Фейс-контроль и полуголые танцовщицы. Громящая музыка и толпы разгоряченных тел.

А перед глазами кадр, разъедающий в сетчатку.

Он нёс её на руках к своему шале. Она смеялась, запрокинув голову, а он смотрел на неё.

Мы расстались!

Поцеловать, чтобы не было больно?

Солнышко...

Слова из цветочной лавки звенели фальшивой мелодией.

Я уже даже не удивлялась, не разочаровывалась, не злилась. Просто приняла как факт: раскаяние длилось ровно до того момента, пока они не помирились. Хорошо, хоть позвонить не успела.

Гуляка, он и в Африке гуляка.

— Не отходи от меня далеко! — проорал на ухо Макс, пытаясь перекрычать грохочущие басы.

Наш столик в VIP-зоне на втором этаже быстро превратился в камеру извращенных пыток. Дима с Сашей и Фил с Авророй существовали в маленьком мире с розовыми пони, единорогами и радугой, будто у них круглогодичное четырнадцатое февраля!

Поэтому мы с Максом, недолго думая, слиняли на танцпол.

К слову, Ярослав с Даной так и не явились. Видимо, бурно мирились.

Макса быстро окружили фанатки, а я протиснулась к барной стойке в поисках ледяного Мохито.

Один Мохито. И сразу назад, к Максy.

Он несет ее в домик на руках как невесту...

И они мирятся. И снова планируют Мальдивы и Бали...

А я же сама просила оставить в покое. А он так быстро...

— Что насчет «Оргазма», красotka? — чья-то пятерня развязно накрыла мою пятую точку.

Обнаженную спину обдало вонючим выдохом. С каким-то смиренным отчаянием утопающего поняла, что в очередной раз влипла в неприятности.

— Простите? — не скрывая раздражения дернулась и сбросила руку, развернувшись лицом к едва стоящему на ногах типу.

Рубашка нараспашку, мутный взгляд и волосы в беспорядке. Зато на запястье дорогушие часы, виниры сверкают как начищенный унитаз, а пряжка на ремне прям кричит о том, что он может себе позволить аж целый Луи. Идеал — ни дать, ни взять!

— Их фирменный ко-октейль, — похабно ухмыляясь, и вдруг резко, всем телом мажорчик подался ко мне. — Де-

вушкам нравится...

Моя коленка рефлекторно взлетела, встречаясь с его мягким пахом.

— ...СУКААА!

Унс!

Взревел, согнулся пополам, лицо исказила гримаса боли, а я неловко прикусила губу, кажется, не рассчитав силы... Ну, надеюсь, у него теперь не омлет в штанах.

— Да я... тебя... — задыхаясь и смешно держась за свой пострадавший «оргазм» с бляшкой LV.

— Нечем уже, — мило улыбнулась, забрав подкатившийся по барке коктейль.

В полумраке его глаза налились кровью, озверели. Пора было сматываться, и я уже сделала шаг в сторону танцпола.

Но смотаться не успела.

Жесткая хватка впилась в локоть, резко дернула, впечатав спиной в его грудь, и он проорал что-то похабное.

— Черт! — вырвалось когда ледяной «Мохито» выплеснулся танцующих, вызвав взрыв ругани. — Мой коктейль!

А дальше... Дальше я готовилась к драке. По-настоящему. Выцарапать глаза. Разбить стакан о его пьяную башку. Кусаться, царапаться...

Но драться не пришлось.

Парень отлетел в сторону с такой силой, будто его сбил грузовик. Врезался в барную стойку. Пара коротких вскриков, люди инстинктивно шарахнулись от нас, образовав пу-

стое пятно в толпе.

А музыка продолжала грохотать. Неоны продолжали сверкать, отражаясь в обезумевшем диком взгляде Ярослава.

— Какого хера, чувак?! — хватаясь за ушибленное плечо, заревел несчастный, заставляя Громова перестать сканировать меня осатаневшими глазами.

Это все уже с нами было. Только вот в других декорациях.

— Считаю до трех, — в севшем до талого голосе только глухой не услышал бы предупреждение.

К чему спектакль сейчас?

По старой дружбе не смог пройти мимо?

— Да пошел ты...

— Три.

Пытаясь сохранить остатки достоинства, пьяный мажор презрительно скривил губы и, бросив на меня брезгливый взгляд, поспешил скрыться в толпе, оставляя один на один с осатаневшим Ярославом.

Только вот меня его злость не трогала, скорее наоборот... Беззастенчиво рассматривала волевой подбородок, чувственные губы и мощную шею в татушках, о которых никогда не решалась спросить.

В самом деле... А что терять?

— Что это за стиль? — не думая и не анализируя, в пару плавных шагов сократила расстояние, заглядывая в бездонные черные глаза сверху вниз.

Пальцы кололо от желания потрогать. А от хлынувшего

в легкие аромата Его тела и туалетной воды сносило крышу напроочь.

— Такие штуки острые, — облизнув пересохшие губы, пыталась дышать, рассматривая рисунки. А Ярослав ошарашенно пялился на меня целую минуту.

— Ты что, пила? — Хмуро сдвинув брови на переносице.
Ага. Сексуальная энергия от таких подонков хлеще любого Мохито.

— Неа, — хихикнула. Видимо, нервы окончательно сдали. — Он разлил мой коктейль, придется ждать следующий, — вздохнула. Похоже, ответ на свой вопрос не получу.

— Трезвая, значит. Соображаешь, да?

Какой зло-о-ой!

Кивнула, заглядывая в сузившиеся глаза и заводя руки за спину.

Ну и что ты бесишься?

— Тогда объясни мне, какого х... хера ты здесь, а не за столом со всеми? — прорычал сквозь зубы, возвращаясь в состояние Сатаны прямиком из Ада. — Что за привычка искать приключения на пятую точку? Совсем с башкой дружить перестала?

Это, наверное, ненормально, но меня забавляла его злость, подстегивала довести, достать и сделать побольнее.

Ну дурна-а-ая.

— Никакого приключения, — выгнув бровь. — И спасибо за помощь, но я бы справилась сама.

— Да что ты говоришь, самостоятельная?

Секундный контакт глаз... И я с визгом влетела спиной в стойку! А он навалился всем телом, обхватив руками по бокам, не давая вырваться.

— Удар был неплохой, — обжигая ушную раковину выдохом, — но попробуй повторить, когда тебя зажали.

В ступор впала от близости.

Какое уж повторить!

Тело к телу. Обжигающие ладони на бедрах, пах вплотную к моей промежности...

Ярослав отшатнулся назад, скользя по моему лицу и вздымающейся груди голодным взглядом. Уголки его губ дрогнули. Довольную улыбка прятал.

Зато возбуждения даже не старался спрятать!

— Неотрайбл, — сипло произнес странное слово. — А теперь шуруй впереди меня наверх, — властно закончил.

Опешила от такой наглости.

Да что он о себе возомнил вообще?!

— Знаешь, что?! Можешь идти и подтирать сопли своей девушке! Ты, наверное, удивишься, но я ходила в клубы, пила коктейли и знакоилась с парнями до этой поездки. И, как видишь, жива-здорова!

Что несла? Куда я там ходила?

— Слушай, принцесса...

— Нет, это ты слушай! Зачем ты вообще пришел? Так мало одной?! Или примирение пошло не по плану? Да, Яро-

слав, я вас видела! Сегодня у шале. «Ой, солнце, мы расстались! Мы сошлись! Мы расстались снова!». Бедная твоя Дана! И знаешь, что? Я ей ни капли ни завидую, потому что только абсолютно неуважающая себя девушка будет с таким как ты!

... оглушительная тишина в содрогающемся от басов клубе.

Потрогав щеку языком изнутри, Ярослав криво улыбнулся.

— Всё сказала? — низко, так по-мужски. До мурашек по спине, до схватившего *тамневыносимого* желания!

Ничего не могла с собой сделать!

Как же он бесил меня сейчас!

— Да. — Упрямо вздернув подбородок, не желая поддаться. — Свободен.

Его челюсть напряглась. Взгляд потемнел, но очередная порция слов утонула во взрыве чужого голоса.

— ВНИМАНИЕ, КРАСАВЧИКИ И КРАСАВИЦЫ! — перерывая музыку, раздался голос диджея. — ОБЪЯВЛЯЕТСЯ КОНКУРС! КОРОЛЕВА БАРНОЙ СТОЙКИ! ТРИ СМЕЛЫХ ДЕВУШКИ НА СЧЕТ ТРИ! ПРИЗ — БЕСПЛАТНАЯ БУТЫЛКА «ДОМ ПЕРИНЬОН» И ВЕЧЕР ЗА СЧЕТ ЗАВЕДЕНИЯ!

Взрыв аплодисментов, свистов, одобрительных криков...

— Даже не думай, — прорычал, хватая за запястье.

Но было поздно. Решение уже созрело.

— Иди ты, Громов! К своей фанатке сказочного Бали! — прежде, чем он успел среагировать, я высоко задрала свободную руку, поймав на себе луч прожектора и взгляд ухмыляющегося бармена.

**Неотрайбл — стиль татуировок, которыми покрыты спина, руки, шея и грудь Ярослава. Для стиля характерна творческая переработка древних племенных узоров через призму современной эстетики. Многие эскизы он рисовал сам.*

Глава 18

Адель

Заиграла томная мелодия, больше подходящая для откровенного стриптиза, чем для тусовки в модном клубе.

Ярослав наблюдал за моим позором, не пряча довольной ухмылки. Сложив руки на груди, подпирал колонну.

А все потому, что я нелепо застыла, не зная, как двигаться под такую музыку.

— Это что?! — проклиная себя, в панике обернулась к бармену. Краем глаза видела, как плавно и манко задвигались девчонки на барной стойке.

Слишком откровенно! Я-то собиралась потрясти задницей под биток, а не танцевать приват для сотни человек!

— Твой шанс выиграть! — подмигнул бармен, кивая на золотистое стекло «Дом Периньон». — Расслабься и танцуй!

Расслабься и танцуй, Ади! Расслабься и танцуй!

Боже-е-е-е!

Это было бы фиаско, будь я в этот вечер хоть немного здравомыслящей.

Но здравомыслие покинуло чат, когда увидела их двоих на пороге шале... А в тот миг, когда решила пойти ва-банк и залезть сюда... Да-да-да, хотела, хотела позлить! Показать, как это больно!

Ну, погнали. Расслабиться, значит?

Найдя взглядом симпатичного шатена у стойки, кокетливо улыбнулась, почувствовав прилив дурной самоуверенности, когда парень засвистел в ответ... Поддалась шальному настрою...

И крутанулась спиной к возбуждённой публике! Как и другие, выпятив пятую точку, погладила свои ягодицы. Представила его лицо сейчас.

Запрокинув голову, в танце рассмеялась в голос!

Злись-злись, Громов. А что еще тебе остается?

Можешь еще локти покусать! Твоя идеальная девушка вряд ли бы так смогла!

Расправив плечи, прогнулась в пояснице, растворяясь в тягучей мелодии и накатывающих волнах чистейшего адреналина. Вспоминала наш единственный раз...

Кожа к коже. А под кожей взрывались фейерверки.

Танцевала, отдаваясь музыке, позволяя мелодии вести за собой. Представляя широкие горячие ладони и грубые пальцы.

Как ОН склоняется к моему плечу. Как обжигает прерывистое дыхание и хриплый голос шепчет «солнце»... Задышала чаще, между ног стало предательски влажно.

Увы, никакие случайные знакомства не подрывали сердце с такой сокрушительной силой, не заставляли появиться бабочек в животе, не заставляли забывать дышать.

Хотела, как же давно и сильно хотела только его!

С разрывающим гордость пониманием признавала! В эту

ночь согласилась бы. Стать галочкой в списке бесконечных побед, коллекционным экземпляром где-то между бунтаркой с розовыми волосами и по всем параметрам правильной Даной...

Просто быть с тобой. Хоть кем-то. Хоть час. Хоть минуту.

Глупое сердце... Разве это просто похоть?

В танце медленно повернулась, даря себя воображаемому взгляду. В зале что-то происходило... Свистели, кричали, улюлюкали...

Руки скользнули по животу, обманчиво, к пуговичке на джинсах.

Укусила до боли губу, сдерживая стон, когда щиколотку опалило нежное прикосновение. Распахнула глаза.

Душа в пятки улетела.

Ярослав стоял у бара, упираясь ладонью в край. Другая лежала на моей ноге, в вырезе клеши.

Стул был отодвинут назад. Шатена на месте не было.

— Натанцевалась?

Глаза в глаза.

Тысяча тонн ядреной неразбавленной похоти...

Чистая одержимость.

А в следующих миг мир перевернулся. Воздух вылетел из лёгких, и я оказалась на мужском на плече, не успев даже пискнуть.

Толпа взорвалась улюлюканьем, свистом и смешками —

Ярослав широкими шагами двинул к выходу. А меня от его глаз до сих пор трясло, пробирало... И чувствовала только его, везде он-он-он. Запах кожи и жар тела. И то, как сходит с ума мое сердце, прижатое к широкой спине.

— Ярослав?..

Покрытое испариной тело заколотило на ночном воздухе. Безумец быстро шагал, забыв про верхнюю одежду, забыв про всё на свете.

— Поставь меня! — волосы застилали обзор, но волны термоядерной ярости, помноженные на жуткую похоть, и видеть не надо было. — Ярослав!

— Рот закрой, — осипшие-прокуренным голосом.

Мы летели куда-то среди ночи, всё дальше от клуба, от домиков, и нет. Я не боялась его.

Да, каждой клеткой хотела, чтобы он нёс меня, чтобы никогда не отпускал. Хотела, чтобы ночь длилась вечность... Признавалась себе и себя же боялась!

— Громов! — в отчаянии заколотила кулачками по спине. — Ты просто динозавр! Архаичный, вымирающий сексист с замашками пещерного... *Аай!*

На мою задницу с размаху опустилась его ладонь.

Он меня шлепнул.

Он. Меня!

Меня в жизни никто... и никогда...

Почему, ну почему тогда живот затопило свинцово-раскалённой тяжестью? Почему позорное возбуждение пропи-

тало бельё?! Прямо перед его носом, и я не была уверена, что обтягивающие джинсы спасали...

— Не прекратишь, — голос замороженный, спокойный, смертельно опасный, — я трахну тебя прямо здесь.

Господи, дай мне сил.

Все внутри полетело в горячую, пульсирующую бездну адского жжения *такой* потребности...

Больная.

— Адель. Поставлю к дереву и выебу всю дурь.

Я не моргала, не дыша, не двигалась. Он легко подбросил меня и тут же снова прижал к себе.

— Мы же не хотим так, правда?

Правда?

— Н-ну... да-а... *наверное*, — тоненько пропищала, вызвав волну грязного мата.

И он пулей долетел до каких-то еще домиков.

Говокружение ловила, сердце разрывалось, горела. То ли от висячего положения, то ли от его близости, то ли от осознания, что обратной дороги нет.

Это случится.

Это правда случится.

Мы правда переспим. Не в фантазиях, не во снах, а здесь и сейчас. Последней ночью уходящего года. И даже без признаний в любви я точно знала: с Ярославом это будет неизбежно. И, скорее всего, неповторимо.

Запищал замок, распахнулась дверь, темнота укрыла нас

с головой. Ноги коснулись пола и подогнулись от столкновения с жаждущим взглядом.

— Ярослав... — врезались в угол.

Он нашёл мои губы в темноте.

Целовал так, будто два года дышал через раз. Будто всё это время ждал разрешения вдохнуть полной грудью. Будто я — его кислород и последняя смертельная сигарета, которую принимает добровольно.

Отчаянно. Жёстко и требовательно.

— Затрахаю... бл, залюблю, солнце... — пальцы впились в мои волосы, запрокидывая голову, открывая шею жадным губам.

Властно и собственническим, как и мечтала.

Отдавала всю себя.

Потому что тоже задыхалась два года. Потому что тоже ждала. Потому что ночами представляла творившееся между нами безумие.

— Че ты со мной... сделала...

С утробным стоном вжирался в мой рот, переплетая языки в голодном танце. Толкался, давая почувствовать украшение в языке... Будто мы уже...

Как обезумевший шарил руками по телу сминая и клеймя.

Я обнимала за крепкую шею. Притягивала ближе и ближе. Позволяла всё. Тёрлась грудью, как кошка.

Все еще в венах кипела моя любовь. Жила во мне.

Как не пытался ее убить, она оказалась живучее, чем сам

Громов.

Так мокро там... И везде. Болезненно от пульсирующего, распирающего изнутри желания.

— Яросла-а-а-в... — жалобно, надеясь, что поймет с полуслова.

— Тшш. Я... здесь, — задыхался, влажно разрывая поцелуй. — Ща будет легче...

Властно притянул к себе за попу. С оттяжкой толкнулся в ноющий живот вздыбленным членом, обтянутым плотной джинсой.

Дорогие, спасибо огромное за ваши комментарии и поддержку! Улыбалась все выходные!))

Дальше нас ждет огонь-пожар ;)

Глава 19

Адель

Я всхлипнула ему в рот, а Ярослав мокро провёл проколотым языком по моим опухшим от поцелуев губам — смакуя, пробуя нас на вкус.

Вку-у-усно...

Как же сладко с ним было целоваться. Мир поплыл, а мне так нужно было сказать.

— Я...слав...

— Мм?

Только кто там слушал? Справившись с пуговицей на джинсах, Ярослав пробрался под кружево, без церемоний раскрывая меня *там*.

— Охуеть, — шумно выдохнул.

Нежно гладил складочки, растирая влагу. Ни единой мысли, только шум в ушах и моё желание на его пальцах.

Как хорошо-о-о-о...

— Охуеть, просто... охуеть, — сорвавшимся, чужим, рычашим. — Так сильно хочешь?

Закусила губу и кивнула, не открывая глаз. Затылком вжалась в стену, боясь, что если открою рот — закричу.

— Два года, принцесса. Сох по тебе. Думал, ебнусь...

А я даже осознать не могла, что за признания срывались в этот миг с его губ.

Подушечка накрыла самый центр и закружила с ума сводя. Бёдра дрожали, из груди рвались отчаянные всхлипы, хваталась за него, ничегошеньки не соображая.

— Бл... Как узко... — волшебное наслаждение сменилось нарастающим жжением. Растяжением.

— Я... я... ещё ни с кем... — меня встретил его взгляд. Шальной, чёрный, горящий лютой похотью.

— Знаю, — нагло ухмыль

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.